

ВОЙЦЕХ СОМОРУ

У И Я Н

СКАЗКИ ТЕНИ

18+

ФантАзия

Войцех Сомору
Циян. Сказки тени

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сомору В.

Циян. Сказки тени / В. Сомору — «Издательство АСТ»,
2023 — (ФантАзия)

ISBN 978-5-17-158006-3

Когда твой отец – придворный шэнми, единственный не сожжённый в Империи маг, жизнь должна казаться прекрасной. Сам Император благоволит к вашей семье, выбирай любую дорогу, Цинь Кан. Только не забудь, что ты – сын проклятого. Никто не пожмёт тебе руку, никто не подставит плечо, а в подвале вашего дома – толчёные кости и Тень, что ждёт плату за украденные силы. И у тебя нет против неё оружия.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158006-3

© Сомору В., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

1. Чудовище	7
2. Бай	10
3. Тао	15
4. Лагерь	20
5. Огненное небо	26
6. Бора	31
7. Демоны шэнми	36
8. Госпиталь	41
9. Дэмин	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Войцех Сомору
Циян. Сказки тени

© Войцех Сомору, 2023

© Боглаева И., иллюстрация на обложку

© ООО «Издательство АСТ», 2024

1. Чудовище

- Куда мы идём?
- В подвал.
- Но... туда же нельзя.
- Сегодня можно.

Отец нервничает, он это чувствует. Но мальчик послушно идёт за ним, вцепившись в руку и впервые не думая, что ему любопытно, что же там, в подвале. Сколько раз он пытался туда заглянуть? Однажды даже проскользнул, украв из кабинета ключ, – и через минуту его вытащили оттуда за шиворот и избили. Никогда, ни при каких обстоятельствах ему туда нельзя. Эти слова долго болели синяками на теле, а запомнились навсегда. Он сын шэнми, он должен, обязан соблюдать правила. Если хочет выжить, конечно, – это его глупая голова должна усвоить. Раз и навсегда.

Так почему теперь можно?

Мальчик садится на стул и смотрит на отца в последний раз перед тем, как закроет по его просьбе глаза. В последний раз перед тем, как сделает глубокий вдох и услышит мерный шелест печатей. Ему всегда было жаль, что у него не такие же светлые волосы...

- Считай.
- До скольких?
- Пока не остановлю.
- Хорошо. Раз.

Подвал выглядит как подвал, ничего необычного: сырость и мрак. Так почему же сюда было нельзя? Может, это ещё одно правило, урок сыновней почтительности? Мальчик болтает ногами – не дотягивается до пола, сидя на стуле. От этого как-то неудобно... Тревожно.

– Два.

Он – сын шэнми, но сам не шэнми. Кто такой отец? Другие дети дразнили мальчишку «выродком проклятого». Таких, как папа, сжигают, это он тоже знает. Им не рады. Шэнми могут делать то, что обычные люди не могут. От них отворачиваются, испытывая необъяснимую неприязнь... Странно. Он ничего подобного не чувствует. Ещё ему говорили, что отец ест детей, – но это же совсем глупость.

– Три.

Вдруг становится больно, колко, невыносимо, словно сердце пропускает удар. И ещё один. И ещё. Мальчик хватается ртом воздух, но не может вдохнуть. Пытается открыть глаза, но не получается. Его парализует, окутывает холодом и нанизывает на иголку, точно насекомое, а затем...

«Че-ты-ре».

Он считает, хотя не может открыть рот. И видит, хотя глаза не открываются.

Мальчик видит Чудовище. Оно было здесь раньше, и оно будет здесь, даже когда дом разрушится и от него останется лишь остов, который завалит землёй.

Чудовище будет всегда и везде, скрываясь в темноте, – безликое, холодное и голодное. Облизывать ноги собственной тенью, скалиться из каждого угла. Но сейчас Чудовище в подвале, стягивается смоляными каплями к стулу, подступая всё ближе и ближе к мальчишке, который не может пошевелиться. Он не может сбежать. Он чувствует чужое дыхание и силу, что медленно и неизбежно оплетает его, вцепившись не в тело, а в душу. Он принадлежит Чудовищу – это стало так же ясно и понятно, как день и ночь. С самого рождения оно просто ждало. Но, может, настала пора забрать его?

«П... пять...»

Он хочет сбежать. Наверх, по старой деревянной лестнице, к свету, к солнцу и жи зни. Быстрее. Почему не слушаются ноги? Почему он не может открыть глаза? Почему он принадлежит Чудовищу?!

Боль гудит и нарастает, становится острой и пульсирующей. Иголлка, на которую мальчика словно нанизали, впиивается в самую грудь, и сквозь барабанный бой ужаса он вдруг слышит, как сердце сделало удар.

«Шесть».

Мальчик открывает глаза, но сначала ничего не видит, только мглу, почти живую, что вдруг растекается и исчезает в углах. Его голова невольно падает на грудь, но сверху опускаются руки.

Отец.

Почему его пальцы дрожат? Почему он поднимает его голову и пытается измерить пульс? Почему он бормочет? Тоже считает?

– Сто тридцать пять, сто тридцать шесть, сто тридцать семь... Кан?

Его зовут Кан.

– Чу... чудови...

Его подхватывают на руки и прижимают к себе так крепко, что кости, кажется, вот-вот треснут.

– Оно больше не придёт. Всё. Всё закончилось.

Почему отец плачет?

– Семь...

– Не считай. Всё. Всё. Тебя никто не отнимет.

Оно в тенях... Он знает. Голова кружится, и он теряет сознание, но точно на всю жизнь запомнит, что оно – в тенях.

Отец такой тёплый, и волосы светлые, словно солнце...

Кан вскочил с кровати, тут же зашатавшись и опершись о стенку. Опять этот кошмар. Перед глазами всё поплыло, и Кан опустился на пол, смахивая со лба капли пота. Как же ему это... надоело. С тех пор как сон с Чудовищем начал преследовать его, Кан боялся теней, хоть и старался скрыть это от всех. Ему не нравилась ночь, а сестра дразнила трусом за то, что его силой теперь было не заманить к отцовскому подвалу. Ну и Бездна с ней, бешеная девчонка. Надо собраться – он в порядке, он дома, сейчас утро.

Кое-как поднявшись, Кан пошлёпал босыми ногами к двери, отодвинул её и вышел в коридор, направляясь к отцовскому кабинету. Прокравшись внутрь, он замер перед повешенным на стену *гуань дао*¹, внимательно его рассматривая. Чудовище никуда не денется. Это чувство обречённости теперь тоже пряталось в прохладе тени и скалилось на него каждое утро после кошмара. Так не пойдёт. Клинок гуань дао и раньше привлекал его внимание, но сейчас... Кан заворожённо смотрел, как лучи солнца разбиваются об отполированное стальное лезвие. Он подтащил стул, взобрался на мягкое сиденье, и тонкие пальцы потянулись к древку, чтобы схватиться за него. Кан встал на носочки и попытался стянуть оружие со стены... Тут же раздался оглушительный грохот – не удержав оружие, он рухнул на пол вместе с ним.

– Кан, опять ты в моём кабинете, дрянной мальчишка?!

Бездна подери! Кан бросил добычу, как самый настоящий трус, и метнулся к окну, поднял его и выскочил на раскалённую черепицу, затылком чувствуя, что его вот-вот нагонят. Прямо в пижаме, шипя от огненной боли в босых ногах, он понёсся по крыше через весь двор отчего дома к своему окну, но...

– Я тебя из-под земли достану!

---

¹ *Гуань дао* – китайское холодное оружие, похожее на глефу или алебарду, состоящее из длинного древка с боевой частью в виде широкого изогнутого клинка; общая длина оружия колеблется в пределах 2 метров.

Кан с ужасом хихикнул, черепица выскользнула из-под пальцев, и он полетел вниз, подхваченный в последний момент невидимой силой за лодыжку. Что-то цепкое трянуло его, подняло выше вверх тормашками и потянуло обратно к отцовскому кабинету, раскачивая то влево, то вправо. Кан попытался зацепиться за крышу руками, но без толку. Нечто метнуло его на пол прямо под ноги Аманю, который опёрся на свой гуань дао, слегка склонив голову набок. Когда отец успел вырядиться в парадное ханьфу?

– Мне тебе руки отрубить, чтобы ты перестал хватать лишнее, или ноги, чтобы не убегал? Ах, знаю – пожалуй, и то и другое!

– Отец, я случайно!

– Случайно ты родился моим сыном, не иначе! Зачем оно тебе?

Действительно, зачем? Кан встал, отряхнулся от пыли, вскинув голову, гордо взглянул на отца и наконец выпалил:

– Я не хочу быть послом!

– Что?!

– Я. Не хочу. Быть. Послом. Или учёным. Я хочу воевать.

– Чушь. Ты не в состоянии даже оружие со стены снять.

– Я научусь!

– Не обсуждается. Марш во двор!

Опять во двор. Кан вздохнул, молча поклонился и вышел из кабинета, спиной чувствуя провожающий его взгляд отца. Всё в той же пижаме вышел во двор дома и привычно встал на колени, снова тяжело вздохнув и прикрыв глаза. Ничего отец не понимает, а вот Кан всё понял ещё в тот момент, когда схватил древко. Ему нет смысла бежать от Чудовища. Если оно везде, даже во снах, это не поможет. Надо стать сильнее. Надо прогнать его. Стать таким, чтобы его не сожрали. И как этому помогут знания учёного или навыки посла? Бред. А вот гуань дао... Это оружие. Это другое. Воины сильные, быстрые, они ничего не боятся. Он тоже хочет ничего не бояться, так что выбор очевиден. Даже если каждый день придётся стоять на коленях перед отчим окном за несоблюдение сыновней почтительности, он не сдастся. Разве не отец всегда учил его стоять на своём? Хватит с него кошмаров. Подвалов. Страха.

Ему уже целых шесть лет, и он твёрдо уверен в своём выборе.

2. Бай

- Смотрите-ка, сынок шэнми выполз!
- Иди сюда, недомерок, где твой папочка?!
- Трупы с личинками пожирает.
- А шэнми едят личинок?
- Конечно едят. А ещё червей с могил.
- Врёшь!
- Да ни в жизнь! Мой отец так говорил. Эй, Кан, струсил? Кому сказали, иди сюда!

И так каждый день. Кан поморщился, продолжая идти и смотреть прямо. Не ускорил темп, только про себя начал считать до десяти. Он выше этого, выше, выше... С глухим ударом в затылок прилетел комок грязи, и Кан замер, а затем медленно повернулся к обидчикам: сыну и племяннику министра экономики, которые скалились на него. Ну и уроды! Один жирный, другой тощий, хоть истории про них трави. Но вот же, пушок под губами уже появился, а ещё оба длинные, как бамбук, не то что он. Ладно. Вырастет, будет выше и сильнее, чем эти, и всем им покажет. Потом.

- Чего ждёшь? Ещё приглашения?

– Ты не прав, Ляо... – Кан улыбнулся, подражая отцу – вроде мягко, а по глазам видно, что сейчас вгонит нож в горло. – Шэнми не едят личинок. Или червей. Они человечину едят. Све-жу-ю.

- Что-о-о?!

– Да. Человечину. – Кан сделал шаг в сторону мальчишек, и что-то в его фигуре заставило их отступить. – И очень важно, чтобы она была свежей. Ты же сам говорил, что трупы пожирают? Это неправда. Нужны живые дети. Смышлёные. Те, что видели солнце и знают, как радоваться. Тогда получают самые сильные тёмные ритуалы. Взрослые уже хуже, а вот щенок твоего возраста подойдёт идеально. – Ещё шаг вперёд. – Но это только мясо. А жир топится на ритуальные свечи, кости толкутся. А знаешь, что можно сделать с сердцем? Показать?

- Да ну тебя в Бездну, психованный!

Мальчишек как ветром сдуло, а Кан поморщился и стряхнул с затылка грязь, с презрением глядя на дом министра. И это он ещё до тренировочной площадки не дошёл.

* * *

Каждый его день начинался и заканчивался одинаково. Спал Кан катастрофически мало, а всё потому, что вставал ещё до рассвета, завязывал себе глаза и отрабатывал удары и стойки во дворе. Сестра, поймавшая его за этим престраннм занятием, однажды свесилась через перила и ехидно поинтересовалась, что за дурная идея опять пришла в его пустую голову. Объяснений, конечно, не получила, как и через день, и через неделю, пока не притащила за рукав сонного отца, догадавшись, что уж ему-то в ответ её брат промолчать не сможет.

Пойманный за шиворот Кан сознался, что это не просто так, и он всё-всё понял и предусмотрел. Он так благодарен отцу за дозволение ему учиться военному делу (всего-то и потребовалось суток пять, хоть и не подряд, постоять на коленях и выслушать серию нотаций о том, какой он болван). Но вот беда – что делать воину, если против него окажется такой же, как отец? Магия – опасное оружие, особенно против человека, будь у него в руках хоть самый прекрасный гуань дао. Печати шэнми одним своим видом способны либо глаза выжечь, либо разум отнять, – отец сам говорил. А значит, надо научиться драться вслепую.

Амань эту речь восьмилетнего воителя выслушал скептически, заявив, что сын его бесприсветно находится разумом своим в тяжёлой хвори. Но раз ему нечем заняться в такую рань, а сестре его, судя по всему, тоже, то вот пусть она его и колотит. А тот, кто не может побить девчонку, шэнми тем более не победит. Сюин предложение восприняла с совершенно излишней радостью и вот уже которую неделю избивала Кана бамбуковой палкой.

Получив порцию синяков от сестры, Кан завтракал и встречал преподавателей, потому что те послабления, которые допускались для мальчиков, отдавших предпочтение войсковой службе вместо службы в кабинете, на него, по мнению отца, не распространялись. Хочет махать оружием – прекрасно, но он не позволит своему сыну стать таким же безграмотным идиотом, как эти недоразумения рода человеческого, что растут в генеральских семьях. Разобравшись с классической литературой, каллиграфией, историей и прочими науками, Кан шёл к преподавателю фехтования, а от него уже полз домой. Если отец был дома, доползал он до того самого подвала, где с завязанными глазами учился по выжженным на земле печатям повторять заклинания. И хотя каждый раз, когда Кан спускался, сердце сжималось, – он молчал. Засыпал он уже без сил, слабо чувствуя собственное тело, а голова и вовсе отказывалась работать.

Так было день за днём. Пока в его жизни не появился этот проклятый Бай.

* * *

Бай перешёл к его преподавателю, когда Кану исполнилось девять. Он и его дружки – каждый старше Кана на три года минимум, все из военной аристократии, – появились на пороге тренировочного дома жарким летним днём. И первое, что они сделали – затащили «сынка шэнми» на задворки и от души избили мешками с песком, настоятельно посоветовав не позорить их призвание и убираться вон читать свои книжки.

– Думал, меня смутят твои пугалки? Ни-че-го ты не можешь, знай своё место, – сплюнул Бай, с презрением глядя на Кана, сжавшегося на земле.

– Да пошёл ты...

– Только вздумай взрослым вякнуть, тень папочки! Неделя тебе, чтобы исчезнуть, или поберею налысо, помани моё слово.

Кто-то из троицы пнул его в бок на прощание, но Кану уже было всё равно. Кое-как встав, он принялся стряхивать с себя пыль, морщась от боли и думая о том, что впереди ещё тренировка, а рёбра как-то нехорошо болят. Плохо. Следов гад не оставил – видимо, Кан не первый. Обойдётся. Сжимая под палящим солнцем деревянный меч и в который раз повторяя выпад, Кан впервые думал не о Чудовище. Оно осталось в тених подвала, но сейчас, при свете дня, появилось ещё одно: оно рядом, скалится и поджидает его. Кан упорно взмахивал мечом снова и снова, погружаясь в какой-то гипнотический транс, чтобы отвлечься от прыщавой рожи. Он пришёл сюда не за тем, чтобы сбегать от каждой проблемы. Рёбра болели, перед глазами расплывались алые круги, но одно он осознал окончательно: в этом ухмыляющемся уроде он видел всех, кто дразнил его. Всю эту аристократическую шваль, растущую в домах по соседству, не способную смириться с тем, что проклятый может не гореть на костре, а беречь семью и служить Императору. Его не признают равней. Никогда. А ведь его род не менее древний, чем у того же Ляо. И всё почему? Потому что они боятся. Но не Кана – в этом-то и заключается самая большая проблема. Неделя, значит... Хорошо.

– Кан! Кан, ты в порядке?

Почему голос учителя звучит, как сквозь вату?

– Смотрите, малохолный в обморок грохнулся! – раздалось откуда-то сверху, и последним, что он услышал, был смех...

Рёбра очень болели.

* * *

Прошло три дня. Преподаватель потребовал открыть книги на двадцать пятой странице и внимательно изучить схему блокирования удара. Кан, как и все ученики, погрузился в чтение с непроницаемым лицом, но про себя он считал секунды. Он не выдал своего нетерпения ни взглядом, ни дрогнувшими уголками губ, ни даже жестом, только сердце бешено колотилось, что у птицы.

– Я... Я... Учитель, я... я не вижу! Ничего не вижу! Учитель!

Все ученики замерли, замер и Кан. Вместе с десятком остальных он синхронно повернулся в сторону дружка Бая, который отпрянул от книги и слепо хватал руками воздух перед собой тощими бледными пальцами. Изумление на лице прыщавого сменилось ужасом, а радужки глаз стремительно затягивали сизые бельма. Тишина нависла над залом всего на пару секунд, как штиль перед бурей, зазвенела в сухом летнем воздухе, а затем с грохотом разбилась о топот ног, крики жертвы, шорох разлетающихся книг и безуспешные попытки учителя уговорить толпу.

Кан первый побежал за лекарем.

Бай смотрел на него.

А Кан ухмылялся уголком рта. Он только начал.

* * *

Амань очень спокойно и чинно проводил сына домой, но стоило им переступить порог, как он схватил его за ухо и поволок к себе в кабинет, мгновенно превращаясь в самого настоящего демона.

– Паршивец! Я сам скормлю тебя Бездне, видит Небо, иного ты не заслуживаешь! Печать! Ты нарисовал печать в его учебнике!

– Но никто же не понял!

– Ещё бы понял, бестолочь! Тебя казнят, если хоть кто-то об этом узнает, и не посмотрят, что ты человек, хотя иной раз мне кажется, что я породил осла! Я для этого учил тебя печатям?! Чтобы ты мстил каким-то недорослям?! Где страница?!

– Вот, – Кан вытащил вырванную из учебника двадцать пятую страницу. В ней не было совершенно ничего необычного, точно такой же лист и такая же схема, как в его собственной книге.

– Кхм... – Амань повертел в руках пергамент и нахмурился. – Лимонный сок?

– Ага. – Сын потёр красное ухо и на всякий случай сделал шаг в сторону. – Не видно же. А смотреть он всё равно смотрел. Ты же сам говорил, что, даже если человек нарисует печать шэнми, то надо закрыть глаза, чтобы не ослепнуть.

– И ты от теории перешёл к практике... Вот зачем?

– Потому что у меня проблемы.

– Ну-ка, какие это детские проблемы необходимо решать запретными знаниями, Кан?

– А что мне было делать? Ты видел его? Ты видел Бая?! У меня нет друзей, чтобы дать ему сдачи, а куклой для битвы я быть не хочу!

– Так не надо было лезть туда, где бьют. Или тебе уже все мозги вышибли? Сутки во дворе, глупый мальчишка, и в следующий раз избавь меня от необходимости объяснять министру, что ты не умеешь колдовать! Если хочешь сделать что-то опасное – сделай так, чтобы никто не смог тебя обвинить. Обзаведись друзьями, не ослепляй противников очевидными способами. Этому тебя бы учили, если бы у тебя хватило ума слушаться отца!

Кан нахмурился, сжал руки в кулаки и опустил голову:

- Ты прав. Прости меня.
- Всё ещё хочешь поехать на войну?
- Да.
- Амань всплеснул руками и закатил глаза.
- Ну, может, там тебе наконец снесут с плеч эту пародию на голову...

* * *

Сюин спрыгнула с лестницы во двор, обошла кругом Кана, качнулась с пятки на носок и наклонилась, заглядывая ему в глаза с проказливым, свойственным только девчонкам любопытством.

- Допрыгался?
- Не скачи, а то рядом встанешь.
- И встану! Ты, как-никак, мой брат.

Сюин действительно встала на колени рядом с ним, пачкая шаровары и рассматривая окно отцовского кабинета. Она наверняка поняла: Кан натворил что-то серьёзное, раз уже шестой час торчит тут в ожидании, пока отец его простит. Поняла и догадалась, в чём дело.

- Это правда? Про печать?

- Уже слышала?

– Да, папа так кричал, что сложно было не услышать. Ну ты и дурак. – Сестра легко пнула Кана в бок. – Слушай, а дождика не будет?

- Птицы высоко летают.

– Жалко. Я-то уйду. Да ладно тебе! Кан... Ты должен быть хитрее, правда. Отец седым станет с тобой.

- И что ты предлагаешь?

– Мозгами пораскинуть, – хихикнула сестра. – Не надо плодить эти сказки – тебе либо не поверят, либо сожгут.

- Но работает же!

– А ты не думал, какой ценой? – Сюин царапнула ноготком пыль на земле. – Ты не думал, почему все этого боятся? Почему отец нас учит? Мы же не шэнми.

- Потому что даже в наших руках это оружие.

– Печати? Дурак! Вот точно дурак. Это не оружие, это защита. Ты вообще его слушал? – Сестра выпрямилась, отряхнула тунику, запрокинула голову и, явно пародируя отца, язвительно продолжила: – Бездна, маленькие оболтусы, в каком-то смысле материальна. Она – такой же мир, как наш, лишь скрыта по ту сторону. Проклятые – люди, отмеченные Бездной, но не каждый проклятый – шэнми, и не каждому хватит силы им стать. Если не защитит себя от её влияния, она сведёт тебя с ума, вырвет душу и заберёт жизненные силы. Именно для этого и созданы печати. Печати позволяют прикасаться к Тени, не обжигаясь, подчинять демонов своей воле, не рискуя быть поглощённым живою, потерять себя и...

- И что?! Это я и без тебя знаю!

- А ты не думал, что здесь что-то не так?

- В смысле?

– Ну... – Сюин легла прямо на пыль перед Каном и подтолкнула его туфелькой. – Дедушка был шэнми. Ты помнишь, как он закончил?

- Нет.

- Ты знаешь хотя бы одного шэнми в истории, кто хорошо закончил?

- Сюин...

– Мне кажется, если что-то может давать силы, то может и забирать. Иначе зачем защищать себя? Вся папина магия – это... это воровство. А вора всегда отрубают руки.

– Ты про...

– Чудовище. – Сюин сняла туфельку и стала вертеть её в руках. – Мне кажется, что твоё чудовище – не совсем твоё. Оно папино. Но идёт за тобой. И ты его дразнишь, Кан, заигрываясь с печатями и той стороной.

– С чего ты взяла?!

– А ты сам подумай. Отец – великий шэнми. Ты слышал, как он воевал? О его демонах? Как думаешь, сколько надо за это заплатить и чем?

– Самым дорогим?

– Детми. – Сестра вдруг посмотрела на него очень внимательно. – Ты – его первенец, Кан, наследник. Я не думаю, что папа любит маму. Самое дорогое, что у него есть, – это мы.

– Ты... тоже?

– Да. Вижу. Мне не по себе. – Сюин прикусила губу. – Я должна что-то придумать. А ты... Больше не делай так. Ладно?

– Ладно.

– Хорошо...

Они молчали, глядя на окно.

– С ним же ничего не случится плохого?

– Не случится. И с нами. Всё будет хорошо, Сюин.

Его сестра была права, что-то было... Что-то было не так с этой историей и его кошмаром, но никто не мог объяснить, что именно. Кан решил не применять больше отцовскую науку. Отстояв своё наказание, он ушёл в библиотеку, стиснув зубы в полной решительности разобраться с Баем по-своему.

3. Тао

Империя Хань, в которой родился Цинь Кан, не хранила воспоминаний о том, кто жил на их землях тысячи лет назад. История превратилась в легенды, легенды – в мифы, из мифов по разрозненным царствам разлетелись религии. В Империи люди веровали в Небо, что дарит их правителям благословение, и говорили о Бездне как о зле, что порождает демонов, – ужасном мире, которому отдана душа каждого шэнми, и души эти не упокоятся, пока их не очистит праведный костёр. История знала лишь одно исключение из правил, и этим исключением был Цинь Амань – первый и последний шэнми, которого удостоил доверия сам Император. Но никто, включая правящую семью, не помнил и не мог найти упоминаний о том, чем же на самом деле были Небо и Бездна до того, как люди стали полноправными хозяевами этих мест.

Задолго до появления Цинь Кана другой мальчик бежал по этой земле, сбиваясь с ног. Сандалии слетели с него, правое крыло безвольно волочилось по пыльной дороге, а взгляд затуманили слёзы. Ему было страшно и больно, он не мог ни убежать, ни позвать на помощь. Запнувшись о камень, мальчик кубарем покатился вперёд и из последних сил попытался подняться, но страх парализовал его, сковывая каждое движение. Мальчик слышал вой и победный, довольный рык, скрадывающий нечеловеческий хохот. Дрожащие пальцы лишь успели вцепиться в землю, прежде чем его схватили за шиворот и подняли в воздух.

– Гляди-ка, поймали птичку! Тебя, кажется, Тао зовут, а? Ну, чего замолчал?

Мальчик вырастет, станет мужчиной, но всё равно будет просыпаться от кошмаров, где в первый раз видит этого рыжего – довольного, высокого, клацающего у него перед носом острыми зубами. И искры, разлетающиеся из-под его пальцев... Вокруг него горела земля. Да что там земля – казалось, это пламя сожжёт весь мир! Когтистая лапа похлопала мальчика по щеке, а рыжий оглянулся на кого-то за спиной.

– Убьём?

– Нет, много чести. Дай сюда.

Его перебросили, как мешок с рисом, но, увидев второго, Тао не выдержал и завопил, задёргался, пытаясь вырваться из хватки.

Будто все чувства разом подменили.

Будто множество голосов были жуткую хулу в унисон.

Всё, что он запомнил, – это жёлтые глаза с вертикальным зрачком, стылый взгляд, от которого хотелось спрятаться и бежать без оглядки. Он не видел ни лица, ни когтей, ни зубов этого второго, – только его глаза.

Что... Кто это?

Разве могут эти звери, эти омерзительные животные быть такими пугающими? От второго веяло болью и страхом, словно сама Бездна распахнула пасть, чтобы сожрать Тао.

– Ты знаешь, кто мы?

– НЕТ!

– Я – Заан. – Второй встряхнул мальчишку, заставляя его заскулить. – Он – Цен. Запомни эти имена, Тао, запомни хорошенько, потому что у меня на тебя большие планы.

– Отпусти!

– Вот как? А твои мамочка и папочка отпустили моих сородичей? – Заан поднёс мальчишку к своему лицу так, чтобы смотреть ему прямо в глаза. – Отпустили детей? Пощадили пленных? Что они сделали с ними, Тао? Ты знаешь?

– Заан, это бесполезно, он не поймёт.

– И не должен. Он должен запомнить, Цен. Запомнить всё, что я скажу, и передать. Эти ублюдки считают нас лишними. Это не война, это истребление без причины. Потому что те, кто с удобством расположился в Небесных дворцах, уверены, что без нас мир будет лучше. Им

плевать, сколько прольётся крови, им плевать на законы мира, на порядок вещей. Они хотят переписать его и вычеркнуть нас как недоразумение. И раз уж родителям этого птенца это так принципиально, я хочу показать, где будут их дети, если они продолжат истреблять наших.

Заан встряхнул мальчишку ещё раз.

– Слушай и запоминай, щенок. Ты передашь своим родителям мои слова: «Земля обетованная станет вашей могилой. Вам придётся любоваться руинами каждый день, самовлюблённые твари».

– Закончим, может?

– Да.

– Ноги?

– Крылья. Птенец больше никогда не взлетит.

Руку Тао отпустили, позволяя тому снова рухнуть на землю. Последним, что он увидел, был тот, которого звали Ценом, – огненно-рыжие волосы, искажающееся чудовищным оскалом лицо, ряды острых клыков, от одного вида которых кровь стыла в жилах. Прежде чем он успел хотя бы всхлипнуть, мир поплыл перед его глазами от боли, заполнявшей всё его сознание, растворявшейся в хрусте и треске костей, ломающихся в звериной пасти, пока он не провалился в обморок.

* * *

Дождь охлаждал кожу и заливал за ворот. Тао очнулся, тут же застонав и попытавшись подняться. С третьего раза у него это получилось. Белые одежды пропитались грязью, светлые волосы спутались, спина горела огнём, каждое движение отдавалось болью, а от каждого вздоха до слёз жгло в груди. Кое-как сев, Тао замер, вдруг с ужасом поняв одну вещь: он не чувствует крыльев. Их нет. Закусив губу, он завёл руку за спину и вскрикнул, коснувшись кровоточащего обломка кости у лопатки. Мир опасно качнулся, и Тао пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы не упасть. Он замёрзнет и умрёт здесь, если останется. Он должен идти. Это всё... не важно. Ему нужно найти помощь, здесь же рядом где-то была дозорная башня. А рядом – это где? Он же помнил...

До «рядом» было полдня пути медленным шагом. Опираясь на палку, Тао шёл, пока его не подхватили двое сородичей, стоило им увидеть его хрупкую фигурку в сплошной стене ливня, из последних сил переставляющую ноги по раскисшей от воды земле. И этот день Тао будет сниться снова и снова, спустя десятки и сотни лет. Через день ему должно было исполниться десять лет, и он понятия не имел, кто такие Цен и Заан и что сделали его родители.

Прошло два месяца. Маленький мальчик в белых одеждах был дома: сидел в тени клёна, сосредоточенно строя из камушков маленький форт. Он почти перестал разговаривать после того случая и каждый день проводил здесь – каменный город, выстроенный им из гальки, хранил все воспоминания, запирая их в крошечных домиках, за высокими стенами и в подвалах игрушечного замка. Тао не было дела ни до чего, кроме этого форта. Там, внутри, по его щелчку горел и не гас слабый огонь. И в этом огне медленно и мучительно корчились две кривые фигурки, – он сам их там похоронил. Они не сгорят, они будут тлеть вечно за то, что... за то, что... Но стоило траве зашелестеть от чужих шагов, Тао взвился и вжался в дерево спиной, загнанно пытаясь рассмотреть чужака. И тут же удивлённо охнул:

– Господин Юнсан!

– Здравствуй, Тао...

Сам *лун-ван* – царь драконов, хозяин стихий и владыка морей. Тао редко видел его, но знал, что родители с ним близки. Раньше он гордился этим, а сейчас в его светлой голове вертелись вопросы, задать которые самому было бы совершенно бестактно.

– Вы ищете родителей?

Юнсан казался... прозрачным. Нереальным, словно выдох Неба. А может, лун-ван им и был? Бледная кожа, белые волосы, белые одежды. Сколько ему лет, Тао совершенно не понимал. Зато прямо сейчас было очевидно, что вопрос заставил Юнсана замереть. Дракон качнулся, присев, чтобы заглянуть Тао в глаза.

– Нет, Тао. Я ищу тебя. Как ты себя чувствуешь?

– Лучше... Лекари сказали, что я в порядке...

– Хорошо. – Взгляд бледных глаз сосредоточился на каменном форте. – Хоронишь злость?

– Вроде того... – Тао поёжился. – Я же не могу ничего... Не то что отец... Что-то случилось?

– Да. – Юнсан положил руки ему на плечи. – Тао, твои родители сражались как герои. Но герои тоже проигрывают.

– Что вы...

– Они погибли.

Тао заморгал. Сделал вдох, затем выдох, покосился на форт.

– Это... Заан и Цен?

– Да.

– Нет!

Юнсан удивлённо посмотрел на Тао, который не отводил взгляда от форта. Он сжал кулаки и упрямо повторил.

– Нет! Нет! НЕТ!

Лёгкий ветерок вдруг качнулся, меняя направление, и со свистом разбился об стены каменного форта.

– Тао...

– НЕТ! НЕТ! НЕТ!

Ветерок усилился, подхватывая камни, а через мгновение смёл крошечные домики, будто пылинки. Разлетелась крыша замка, наружу взмыл огонь от тлеющих фигурок. Юнсан смотрел. Потоки ветра, взвихрившиеся вокруг них, образовали глаз небольшого урагана, в котором закружилась алая листва, вспыхнувшая от разгоревшегося пламени.

– Тао, успокойся.

– ОНИ НЕ УМЕРЛИ!

В огненном вихре Юнсан видел отчаявшегося мальчишку, но ему не нравилось то, что происходило. До того, как эти двое оторвали ему крылья, Тао был, пожалуй, самым добрым ребёнком, которого он знал. Он таскал домой котят и выхаживал выпавших из гнёзд птенцов. Его родители никогда не хотели, чтобы его втягивали в эту войну. Огненный ураган разрастался на глазах, и когда он чуть не захватил в себя пытавшихся улететь птиц, Юнсан хлопнул в ладоши, развеивая колдовство, но не смог найти слов, чтобы отчитать Тао.

– Пойдём. Ты пока поживёшь со мной, Тао. Нам нужно о многом поговорить. И никаких «нет». Пойдём.

Стоило белым пальцам взять Тао за плечо, как силы будто бы покинули его, и вместе с ними, казалось, его оставили гнев и злость. Мысли спутались, ноги стали ватными, и он слабо кивнул, чувствуя удивительный покой, будто бы кто-то выстроил стену между чувствами и реальностью.

Юнсан с холодной злостью думал о том, что Заан и Цен выбрали чертовски гадкий способ для мести. Отец и мать Тао бросились на поиски обидчиков и попали в ловушку, но мальчику он об этом никогда не скажет. Заставить родителей смотреть на искалеченного сына двум зверям было мало – они оставили Тао сломанным и отравленным. И теперь ему придётся всё исправить.

* * *

– Кто они? Заан и Цен? – Тао рассматривал тонкие арки чайного домика около пруда, всё ещё находясь в том удивительном состоянии, когда чувства словно уснули, но разум оставался чистым. Он не знал, что сделал Юнсан, но был ему благодарен, невольно думая: когда действие колдовства закончится, ему придётся несладко.

– Асуры, но не такие же, как остальные. – Юнсан заваривал чай, задумавшись о том, как же объяснить природу Старших. Мирно переливая его из пиалы в пиалу, он протянул одну Тао. – Выпей.

– Спасибо. Но... почему?

– «Почему» что?

– Почему мы воюем с ними? – Тао сделал глоток. – Почему они хотели меня покалечить? Почему они убили...

– Родители тебе не рассказывали? – Юнсан склонил голову набок.

– Я хочу, чтобы рассказали вы. Правду. Почему всё это происходит?

– Что ж... Тебе, похоже, интересны причины глубже, чем уничтожение кровожадных зверей, верно? – Юнсан вздохнул и начертил в воздухе три круга. – Давай начнём с простого. Вот наш мир: это Небо, Циян и Бездна. Мы, дэви, рождённые на Небесах, несём порядок. Асуры, порождённые Бездной, несут разрушения. А между ними и нами – люди, которым приходится жить с тем, что мы поделим. Асуры очень любят говорить о том, что они – вестники изменений, а мы тянем мир к застою и увяданию. Но правда заключается в том, что Бездна уничтожает, а не созидает. Её изменения сродни болезни. Асуры питаются душами людей, их пороками и бедами. Они... портят природу.

– Я понимаю. – Тао сделал ещё один глоток, рассматривая три круга. – Но ведь разве так не было задумано?

– Многие склонялись к тому же мнению. Пока асуры не воздвигли в мире людей Сораан – их логово, которое они зовут городом. Пока Заан не стал захватывать новые земли. Баланс сместился, и мы вмешались. Асуры распространяются словно чума. Я не думаю, что люди заслужили быть... кормом.

– То есть, мои родители умерли ради... баланса?

– Твои родители умерли, потому что эта война зашла слишком далеко. Потому что, если не остановить Бездну, она поглотит и извратит всё на своём пути. Нет ничего, что не отравило бы прикосновение этих тварей. Бездна не принадлежит этому миру, она вспарывает его шрамы и питается за счёт того, как он кровоточит. Само её существование – это зияющая рана. Медленный яд.

– Подождите... – Тао вцепился в пиалу. – Вы сказали, что Заан стал захватывать... Я не понимаю, кто он такой.

– Заан и Цен – первые Старшие асуры. Это... сложно. – Юнсан поморщился. – Они не приемлют индивидуальность. Точнее, она не предусмотрена в их природе. Бездна порождает не личности, а... явления. Каждому дано своё место в руках этой болезни, не может появиться двух асур, преследующих одну и ту же цель. Но стоит умереть одному, Бездна создаёт нового ему на замену. Несмотря на своё невежество, эти твари очень организованы. Есть те, кому отведены простые и примитивные роли, и те, кто приводит в движение более сложный процесс.

– Как в войске?

– Вроде того.

– А как Бездна понимает, кто нужен? Она же не...

– Не живая. Бездна – мир, а не существо. Но для этого у неё есть Заан. Он – Старший асура, который отвечает за порядок среди теней.

– А Цен?

– Он был рождён, чтобы нести изменения. В начале... в Бездне были только трое.

– А третий?

– Первая. У неё нет имени. – Юнсан снова разлил чай и мрачно продолжил: – Сначала появилась Первая, и принесла она в Бездну голод. За Первой пришёл Второй, и принёс он в Бездну огонь, чтобы этот голод насытить. Но огонь лишь жёг и не был контролируем, и появился Третий, что принёс порядок...

– Заан.

– Да.

– Но... если их убить, то появятся другие?

– Верно. Сколько ни убивай асур – появятся новые. В этом наша проблема и причина бесконечной войны. И даже если перебить обычных асур, – пока живы Старшие, эта чума будет распространяться.

Тао заморгал и снова сделал глоток, рассматривая тонкую пиалу. Затем посмотрел в глаза Юнсану и задумчиво протянул:

– Тогда почему вы не отрежете им крылья?

– Что ты имеешь в виду? – Юнсан приподнял бровь.

– Если Бездна не может создать кого-то на замену, пока асура жив, – почему вы не поймали до сих пор Заана?

– Я боюсь, если бы это было так легко, то он всё равно убил бы себя, чтобы кто-то пришёл вместо него.

– А вы поймите так, чтобы он не смог этого сделать.

Юнсан замолчал, тоже рассматривая свою пиалу. Тао обнял себя за плечи, с тоской думая о том, что скоро чувства вернуться к нему.

– Отрежьте ему крылья, – повторил Тао. – Отец бы сказал, что он заслужил это.

4. Лагерь

Шли годы, но ни тени, ни Бай, ни тумак отца не сбивали Кана с его цели пойти по военной карьерной лестнице. В свои пятнадцать лет с первыми Кан научился смиряться, оставляя ужас в кошмарах. С Баем было сложнее, особенно после случая с его ослепшим приспешником, да и Сюин оказалась права – выходка Кана принесла ему больше бед, чем выгоды. Если другие дети и раньше сторонились его, то после скандала они между собой окрестили Кана проклятым, и вокруг него образовалась пропасть, пересекать которую считалось допустимым лишь для того, чтобы подставить ему подножку. И конечно, его это не остановило. В один прекрасный день лошадь Бая взбесилась и понесла так, что тот чуть не умер, свалившись в канаву. Через месяц Кан приполз домой с отбитыми почками и без следов синяков. Через два Бай сломал себе ногу, прокатившись кубарем по лестнице. Кана три дня искали, пока не вернулся Амань, быстро обнаружив старый подвал разрушенного дома с заваленной камнями дверью, в котором заперли его сына.

Во время визита в императорский дворец Бай отравился так, что слуги сбились с ног, убирая за господином. На тренировках учителю приходилось растаскивать этих двоих, пока они не переломали друг другу кости. И когда объявили военную операцию в Канрё, Бай ухмылялся, как довольный кот. Его-то отправили в столичный гарнизон, и он должен был остаться в Лояне, а если отец постареется ещё больше, то он попадёт прямиком во дворец. Дальше от хорошей и сытой должности его отделяло лишь время. Амань же не собирался как-либо вмешиваться в сумасбродство сына и совершенно спокойно отреагировал, когда пятнадцатилетний Кан гордо заявил, что отправляется на войну.

– Что ж, возможно, ты отдашь свою жизнь за то, чтобы четвероюродный племянник брата Императора получил желанные земли. Очень мудро, сын.

Амань выглядел удивительно спокойным, но на самом деле надеялся, что этот поход может раскрыть Кану глаза на то, в какую дурость он ввязался. Отец был уверен, что готов принять мысль о сыне на войне, особенно если считал эту войну безобидной. Времена, когда Империя Хань отвоёвывала себе земли, к его счастью, прошли. Отец мог бы многое рассказать Кану о том, что на самом деле такое война, но у Канрё не было ни своих шэнми, ни действительно серьёзного оружия, ни новых технологий. Мышиная возня, после которой, как мечтал Амань, сын приползёт к нему на коленях вымаливать прощение и протекцию. И тогда-то он всё ему расскажет и покажет. Надо просто подождать.

* * *

Царство Канрё, что славилось своими запасами золота и умнейшими поверенными, было крошечным государством, приграничным к Империи Хань. Граница с Империей крайне удачно проходила по реке Хунха и озеру Бакбо, затрудняя любые планы на вторжение. С остальными соседями Канрё ухитрилось выстроить удивительно выгодные торговые отношения, что позволило сохранить независимость, играя на нежелании царств Ци, Сингуо и Рен оказаться прямыми соседями с Империей или развязать новую войну за земли. Но и этот шаткий союз должен был рано или поздно разрушиться – это понимал изучавший историю Кан. Собираясь в поход, он не мог отделаться от тревожной мысли, что в этой истории что-то не так. Не мог же царь Канрё надеяться на бесконечный мир и никак не готовиться к неизбежному? Это выглядело... глупо. Но обсудить свои мысли Кану было уже не с кем – Сюин, его единственный друг и опора, осталась в столице.

– Эй, господин кавалерист не желает присоединиться?

Кан удивлённо заморгал, когда услышал адресованный в свою сторону вопрос – за время похода ни одна живая душа с ним не заговорила. Уже три дня как они разбили лагерь около реки Хунха и ждали приказа о дальнейших действиях. Кан отложил книгу, с которой собирался скоротать свободный час под деревом, недоверчиво рассматривая *чжунвэй*², что склонился над ним и протягивал ему руку: это был высокий загорелый мальчишка, точно с юга, с кое-как завязанным хвостом каштановых волос и в уже чем-то перепачканном дорогом платье под доспехами. Акцент тоже казался каким-то... странным. Отец бы точно сказал что-то вроде: «А с этими, Кан, мы не разговариваем».

– Чжан Вэй. Не хочешь поболтать?

– Ты не из столицы, верно?

– Нет. – Вэй рассмеялся, помогая Кану подняться. – Мой дом возглавляет провинцию Хэнань. Младший сын. Ты же не проклянёшь меня?

– Было бы чем. – Кан фыркнул и убрал книгу в походный чехол. – И что же нужно от меня младшему сыну Чжан?

– Времени и денег, конечно же. Играешь в сянци?

– Ты взял с собой в поход настольную игру?

– А ты книгу. Так да или нет?

– Немного.

– Ну тогда пошли! Знаешь, а ведь я уже выиграл! Братья говорили, что тебя силком не приведёшь!

– То есть вы спорили на меня?

– Конечно, – хохотнул Вэй. – Ну, знаешь, твои друзья о тебе уже такого нарасказывали, что мы и подумали: да пропасть нам, если не достанем сына шэнми!

– Опять. – Кан устало потёр переносицу. – Послушай, Вэй, сказки всё это. Я не то чтобы лажу со своими «друзьями», так что боюсь тебя разочаровать, но...

– Но ты не ешь лягушек и не проклинаешь взглядом, знаю. – Чжан подмигнул. – Мы подумали, что такой неудачник из столицы точно должен не быть чванливым дураком, если его не выносят другие дураки.

– Что?

– Ну... Ты – дурак?

Кан опешил.

– Нет.

– Значит, я выиграл! Пойдём, я тебя со всеми познакомлю!

– Подожди... Ты меня неудачником назвал?!

Кан ровным счётом ничего не понимал, но его буквально затащили в небольшой шатёр, в котором, похоже, и обосновались братья Чжан. Если здесь и должен был жить кто-то ещё, то он наверняка уже в ужасе сбежал. Кан так и замер, непонимающе рассматривая тот бардак, который здесь царил. Казалось, что по жилищу Чжанов прошёл ураган, разбрасывая по углам резные шкатулки, разноцветные ожерелья, куриные кости, пёструю одежду, свитки, серебряные браслеты... А увидев жёрдочку, на которой сидел пустынный сокол, Кан просто начал хватать ртом воздух.

– Вы... Вы как... Вы как это всё с собой в поход протащили?!

– Дэлун, Цзян, выкусите! Цинь Кан собственной персоной, а! Съели? Привет! – Вэй толкнул Кана с прохода прямо в облако прогорклого дыма. В центре за невысоким столиком сидели братья Вэя, такие же загорелые и неряшливые, сосредоточенно бросая кости. Когда они установились на Кана, ему даже стало как-то неловко и захотелось уйти, но выход перегородил Вэй, который скрестил руки на груди и стоял с видом победителя.

---

² *Чжунвэй* – самое низшее звание младшего офицерского состава.

– Ну? Кан, скажи уже что-нибудь!

– Простите...

– Ого! А он не немой, – фыркнул один из братьев, выдыхая клуб дыма из трубки.

– Перестань его толкать, Вэй, – тут же отрезал второй брат и встал, подходя к Кану и отвесив полупоклон. – Прости моих братьев. Чжан Дэлун, старший среди этих троих.

– Да... Приятно познакомиться. – Кан улыбнулся и кивнул. – Ваш дом отправил на войну троих сыновей?

– Когда у тебя семеро сыновей, это самое малое, что может сделать отец для Империи. – Дэлун жестом пригласил его к столу, а Вэй снова подтолкнул, и в какой-то момент у Кана в руках появилась такая же трубка, как у Чжанов. – К тому же отец говорил о том, что это даже не война, а так – закалка молодого поколения.

– Так как вы... Всё это?

– Вещи? Наш двоюродный дядя – начальник снабжения полка, удивительная удача. – Дэлун поджёг травы в трубке Кана и подмигнул. – Попробуй. Любимое развлечение юга.

– Спасибо. – Кан вдохнул дым и тут же закашлялся – горло буквально разодрало и обожгло, но со второй попытки стало легче. – Кха... Странная... вещь...

– Ну так что? Сыграем в сянци?

– Ставки?

– Проиграет столичный – переедет к нам.

Уже это Кану совсем не понравилось. Южане и без того казались странными, но подобная навязчивость без причины казалась невозможной.

– А выиграю?

– Называй цену. Не думаю, что ты вообще сможешь победить Дэлуна, – хмыкнул Вэй. – Вы в своей столице совсем не умеете играть в сянци.

– Что ж... – Кан задумался. – Выиграю – неделю будете моими слугами.

– Что?!

– Струсил?

Вэй закусил губу.

– Ставка большая. Тогда три раза выиграй. У кого выиграешь – тот и будет.

– Согласен.

– Вот, значит, как? Уверен в себе?

– Нет, но так это становится интересным. Доставай доску. – Кан затаился снова и выдохнул клуб дыма. Надо разоблачить этих южан и выяснить, что им нужно на самом деле.

* * *

Спустя три часа Вэй с руганью схватил доску сянци и метнул в стену. Взлетели деревянные фигурки, задев сокола. Тот, в свою очередь, проснувшись, забил крыльями, привязанный к жёрдочке, и под смех Кана попытался сбежать из этого проклятого шатра. Дэлун и Цзян сидели мрачные, глядя на Циня и почти синхронно засыпая табак в трубки.

– Ты знал, – простонал Вэй.

– Знал что? – Кан ехидно усмехался, по привычке повторяя жест отца. – Что я вас обыграю? Конечно.

– Никто не обыгрывал Дэлуна! Да чтоб тебя, меня никто не обыгрывал, кроме братьев!

– Ну простите, надо было лучше расспрашивать «столичных дураков», они бы вам рассказали не только небылицы. – Кан поднялся и стряхнул какую-то шелуху со штанов. – Значит так, уговор есть уговор: ваш шатёр теперь мой, по крайней мере, на неделю. К завтрашнему дню убрать здесь всё, ночевать я буду тут.

– Эй! А мы?

Кан приподнял бровь.

– А вы больше не будете делать такую глупость, как потешаться над чужаками. Понятия не имею, что вы задумали, но я не пугало. Мне плевать, где вы будете спать. Катитесь в общий шатёр к солдатам, там вполне уютно.

– Послушай, да мы просто...

– Хотели подружиться? Порасспрашивать? Завести знакомства? – Кан слегка склонил голову набок. – Старая сказка о новом. Зубы не доросли, чтобы пастью щёлкать. Но за трубку спасибо. До завтра, – Кан улыбнулся, растягивая гласные в их фамилии невыносимо до мерзости, – братья Ч-ж-а-н.

Цинь вышел из шатра, а Вэй со злостью пнул стол.

– Нет, ну вы видели?! А я думал он нормальный!

– Он и есть нормальный. – Дэлун совершенно спокойно встал и потянулся. – Парень забит, как загнанный волчонок. Вот и кусает, стоит протянуть руку.

– Да ну тебя, Дэлун, он просто такой же, как остальные столичные.

– Другие бы сказали прислуживать им при людях, он же всего лишь выгнал нас из шатра. Тебе не кажется это странным?

– Завтра вспомнит.

– Завтра и посмотрим, – хмыкнул Дэлун. – Он умный. И пока не началась война, нам надо найти умных союзников, Вэй, это залог выживания. Забыл, чему учил отец?

– Он ещё говорил, что старший Цинь – демон в человеческой шкуре.

– Умный демон.

– Это да... Ну что, давайте приступать: время уборки. Небо, нашли себе занятие...

* * *

Шатёр братьев оказался невероятно комфортным – первые три дня Кан просто наслаждался пребыванием в нём, заодно изучив все ненужные артефакты, которые Чжаны натаскали к себе, точно сороки. Кажется, даже сокол привык к новому хозяину жилища. Но на четвёртый день, когда Кан снова сосредоточенно читал, к нему ввалилось... тело. Пошатывающаяся туша, в которой не с первого раза, но всё-таки узнался Вэй, рухнула на матрас и издала победный храп, совершенно не замечая обомлевшего Кана. Он-то привык, что братья вели себя как шелковые и выполняли любой его приказ, как и полагалось по уговору, но не учёл, что критическая доза байцзю способна на злые шутки. Брови Кана поползли вверх. В гробовой тишине он созерцал тело на матрасе, пока у входа не появились старшие братья: Дэлун пьяно улыбался, Цзян хихикал, и на лицах обоих читалось блаженное отупение. Кан совершенно не был готов к такой компании.

– Та-а-ак... – Кан захлопнул книгу, поднимаясь и нависая над пьяным телом. Не понимал он этих братьев. Они ни о чём его не расспрашивали, ничего не выпытывали, всё время подтрунивали друг над другом и болтали без умолку. Это раздражало. Все на юге такие же, или ему повезло натолкнуться на самых глупых? Слегка склонив голову набок, Кан осторожно пнул Вэя носком сапога и пришёл к выводу, что тот окончательно отключился. Ледяным взглядом обжёг тех двоих, которые ещё держались на ногах, и скомандовал:

– На воздух. Оба.

Вытолкав их из шатра, он скрестил руки на груди и совершенно спокойно продолжил:

– Дэлун, отойди и покружись.

– Что-о-о?..

– «Что, господин». Четвёртый день, ты всё ещё мне должен. Сто раз, – скомандовал Кан, устало потирая переносицу. – Идиоты.

– Слушаюсь, господин, – язвительно фыркнул Дэлун, отходя и принимаясь кружиться. – Раз. Два. Три. Четыре...

Кан ждал. Ждал с лёгкой улыбкой на губах, пока старший из братьев не прижал руку ко рту и не рванул к кустам. Кан перевёл взгляд на Цзяна и холодно приказал:

– Теперь ты.

– Ну ты и... гад.

– Да ну? – Кан подошёл к склонившемуся над кустами Дэлуну, взял его за шиворот и дёрнул на себя, заставляя рухнуть на землю. – Вы совсем с ума сошли? Я догадываюсь, где вы нашли выпивку, но завтра начинается наступление. И вы надрались, как три безголовых обезьяны. Ты досчитал до тридцати, а я говорил – до ста. Продолжай.

– Но...

– Кружись! – Кан закатил глаза и развернулся, направляясь в шатёр. – Закончите – растолкайте своего братца и повторите с ним.

Когда Вэя вытаскивали из шатра, Кан снова был поглощён чтением. Он сидел, скрестив ноги, на матрасе, разложив перед собой несколько свитков, которые нашёл среди хлама братьев Чжан, и что-то сверял, становясь мрачнее с каждой минутой. За стенами шатра раздавались не самые приятные звуки, а когда в проёме снова появился Дэлун, Кан вдруг взвился и подлетел к нему с одним из свитков.

– Вы! Откуда у вас это?

– Да что ж тебе ещё надо, демон?.. – почти взвыл Дэлун, отпрянув.

– Ты пришёл в себя, или ещё полечиться нужно?

– Пришёл-пришёл, отстань уже от нас. Мы поняли. Ты не хочешь искать друзей, сам-себе-на-уме-сынок-шэнми.

– Я не... – Кан запнулся и махнул рукой. – Да плевать мне на это. Свитки! Свитки о допросах торговцев из Канрё – откуда они у вас?

– Прихватили копии у дяди. Интересно же! Говорят, Канрё просто завалено золотом и драгоценными металлами, надо же знать, что искать в трофеях.

– Трофеях... – Кан замер, а затем свернул свиток и со всей силы ударил Дэлуну по щеке. – Какие копии?! А если это подлинники?! А если они не попали к руководству? Вы вообще понимаете, что натворили?!

– Да там нет ничего важного!

Кан заморгал, не веря своим глазам. Нет, они не предатели, они – настоящие идиоты с юга. Это лицо, полное изумления, не могло так искусно лгать.

– Так... Так... Небо, за что мне это... Твой брат пришёл в себя?

– Ага... – Цзян появился из-за плеча брата. – Да что тут происходит?

– То, что вы можете попасть на виселицу за предательство. – Кан потёр переносицу и всучил оба свитка Дэлуну. – Значит, так. Марш к дяде за добавкой и подбросьте ему эти свитки на видное место. Раз ещё не ищут вора, значит он такой же идиот, как и вы. И спросите его о... трофеях. Намекните на них, пусть сообразит и передаст генералу. Справитесь?

– Да что там в этих свитках?!

– Наша гибель, – мрачно заявил Кан, пытаясь найти чистый пергамент и чернила. – Мне нужно написать отцу, срочно. Пошли вон!

Когда двое братьев исчезли из шатра, обратно вполз протрезвевший младший, но Кан на него совершенно не обращал внимания, поглощённый письмом.

– Кан... Послушай, – Вэй рухнул обратно на матрас и потянулся к кувшину с водой, – ты можешь думать о нас что угодно, но мы же не дураки... Я слышал разговор. Что случилось? Может, объяснишься?

– О, вы как раз не дураки, вы хуже. Как и ваш дядюшка, не обративший внимание на самую очевидную вещь. – Кан не отрывался от письма. – Вы вычитали про золото и совсем не заинтересовались, почему торговцы Канрё наладили пять путей с Чанкином.

– Ну наладили и наладили.

– Вы на своём юге вообще не изучаете историю или географию? Ты в курсе, чем славится Чанкин?

– Военной системой.

– И огненными кристаллами, осёл. – Кан тяжело вздохнул, перечитывая письмо. – В Канрё не могли не готовиться к войне. Это было неизбежно. А как бы ты отбивался от Империи, если между вами река? Не проще ли всего закидать нас огненными снарядами издалека и закончить конфликт? И всего-то надо – договориться с Чанкином о поставках. Завтра нельзя начинать атаку.

– Ты... шутишь, Кан?

– Ни капли. Начнём наступление завтра – нас поджарят. И как мне донести это до генерала?

– Да так и расскажи, что от нас подслушал!

– Не выйдет. Генерал – дядя Бая...

– Бая?

– Старый враг, всё детство друг друга избиваем. Он быстро придумает, за что меня отправить за решётку. Ещё и отцу письмо пришлёт перед тем, как наши трупы переправят в столицу, если повезёт. – Кан свернул свиток и принялся капать на него воск, чтобы поставить печать от фамильного кольца. – Значит... Значит, так. Когда вернётся Дэлун, надо будет отправить его к генералу.

– Ты с ума сошёл?

– Я думаю рационально, осёл. Небо, ненавижу эту подковёрную возню! Но вы – никто для него. Я имею в виду – не столичные соперники. Есть шанс, что он его послушает, потому что нам нужно начинать рыть траншеи, а не готовиться форсировать реку, понимаешь? А не послушает, что более вероятно... – Кан встал. – Останется молить Небо о том, что отец доберётся сюда быстро.

– Ты Аманю пишешь?!

– Это не шутки. И я понятия не имею, у кого ещё искать поддержки в этой дыре. – Кан помедлил и покосился на Вэя. – Ложитесь в шатре, хватит игр. Вы должны выспаться. Дэлун я тоже не задержу. Завтра будет жарко.

– Говоришь как старый вояка, Кан. Да может, это просто твоя подозрительность...

– Я молю Небо, чтобы это была именно она, Вэй. – Выходя из шатра, Кан устало посмотрел на звёздное небо. – Не хотелось бы, чтобы мы все погибли из-за глупости.

5. Огненное небо

«Дорогой отец, я молю Небо о твоём здравии! Прости за столь неожиданное письмо, но я должен поделиться с тобой историей моего первого похода. Я познакомился с братьями Чжан: истинные сыны юга, они обладают потрясающей глупостью и непосредственностью, как и их дядя, перехватывающий записи торговцев. Только представь себе: они чуть не проворонили сообщение о том, что Чанкин поставляет огненные кристаллы Канрё, но Дэлун, хвала остаткам разума в его голове, донёс эти сведения генералу. Тем не менее я уверен, что наступление начнётся в ближайшие дни, но не могу себе представить, каким образом мы будем форсировать реку под залпы огня с неба. Как ты понимаешь, моё звание не позволяет задать этот вопрос генералу Вану, и мне очень нужен твой совет.

Пока ещё живой и надеющийся вскоре тебя увидеть, твой сын».

– Ваше Величество, при всём моём уважении к генералу Вану, это безумие.

Аманю казалось, что письмо сына горит в кармане, и ему стоило чудовищных усилий соблюдать придворные правила. В то время как они с Императором прогуливались в тени клёнов по дворцовому парку, Кана могло уже не быть в живых. Он не беспокоился за сына в обычном бою – несмотря на показное пренебрежение, отец зорко следил за ходом учёбы и не раз беседовал с учителями. Кан даже не подозревал, как часто его заставляли прыгать выше головы только потому, что об этом просил Амань с вежливой улыбкой и живой тенью, от которой хотелось сбежать любому нормальному человеку. Его сын, его дочь, его семья должны выжить – это он знал точно, даже если упрямые подростки собираются рисковать головой.

Но Амань был уверен в сыне. Конечно, он видел для него совсем другую карьеру, но вместе с тем понимал: он сам растил Кана так, чтобы тот принимал решения своим умом. Теперь же приходилось пожинать плоды собственного воспитания. Однако он не мог предвидеть вмешательства Чанкина – от одной мысли об огненных кристаллах перед глазами меркло – а амбиции генерала Вана не щадили никого на своём пути. Амань слишком хорошо знал эту военную семью, чтобы быть уверенным – наступление на Канрё не отложат, скорее Ван утопит всё войско в водах реки Хунха, пытаясь принести победу. Невыносимая глупость.

– И что же ты предлагаешь, Цинь Амань? – Император остановился, повернув к нему голову.

Забавно. Все так боялись Аманя, но единственный, кого он мог назвать своим другом, стоял сейчас перед ним и видел скрытый за вечной маской страх за сына. Сына, с которым он не может общаться столько, сколько хочет, иначе проклятье сведёт его с ума. Которого сам отправил на войну, и они оба знали, что это только начало. Император наверняка знал, что Амань, принёсший ему сокрушительные победы в прошлом, уничтожавший армии, танцующий среди дворцовых интриг с ухмылкой, точно лжебоги Калирама, не был на самом деле готов к тому, чтобы получать такие вести.

– Выиграем эту простую войну. Отправьте меня в Канрё, ваше величество, и мы принесём вам победу в ближайшие сроки.

– Хочешь спасти его голову... – Император вздохнул, срывая листок клёна. – Ты ошибся, когда допустил его до оружия. Собираешься прикрывать сына в каждой войне до смерти?

– Дело не в этом. – Амань нахмурился.

– В этом. – Император смял лист. – Я не хочу думать о том, что ты будешь рваться в каждое сражение за своим сыном. Это не пойдёт на пользу ни тебе, ни ему. Впрочем... Сейчас отправляйся. Царство Канрё нужно Империи, но после я не хочу слышать о подобном. Может, стоит перевести его в Императорский гарнизон?

– Мальчишка хочет воевать, ваше величество, это великая честь. Но он будет искать себе приключения даже во дворце, охраняя карпов в озере.

– Он точно твой сын? Что ж... Есть Север. Там на границе проблемы с твоим старым знакомым.

– Лин? Если не пытаться захватить его родину, самая большая проблема этого шэнми – страстное желание хоронить каждого своего человека со скорбью и почестями.

– Вот и прекрасно. Ребёнка он не убьёт, а твой сын проживёт в достаточной строгости, чтобы задуматься о рациональном выборе и больше не быть причиной наших бесед.

– Благодарю, ваше величество.

– Вытащи оттуда войско и возвращайся. – Император покачал головой. – В первый и последний раз, Амань. А про Вана мы поговорим после.

* * *

Пятый день подряд солдаты рыли траншеи у берега реки Хунха. Кан мрачно следил за тем, как шла работа, думая об объявленной Дэлуну благодарности за предупреждение. Слава Небу, это помогло задержать наступление. Он не гнался за рангами (по крайней мере, пока), и уж точно не под зорким оком дядюшки Бая – генерал Ван из смекалки сына шэнми быстро бы построил целую цепочку слухов и заронил бы у императорской семьи мысли об изменнике, который не просто так догадался о хитрости Канрё. Или, если Кан ошибся бы, сочинил бы историю ещё хуже... Бездна с ним. Ему нужно быть осторожным, и эти братья Чжан как никогда оказались к месту. Кан покосился на шатёр новых знакомых и фыркнул. Если это был хитрый план, чтобы втереться к нему в доверие, то сложно было бы не признать его гениальности, но, судя по всему, всё в порядке. Возможно, они будут ещё полезны.

Утро выдалось ужасно холодным: туман застелил их лагерь серым покрывалом, заставляя ёжиться в отсыревшей одежде. Ткань шатра Чжанов зашуршала, и наружу выбрался взъерошенный Дэлун. Заметив Кана, он бросил ему флягу и кивнул на траншеи.

– Доволен?

– Нет. – Кан сделал глоток, даже не возмущаясь по поводу утренней порции байцзю, и бросил флягу обратно. В таком холоде хотя бы поможет согреться. – Плохое утро. Я надеялся, что тумана не будет ещё пару дней.

– Но в тумане проще наступать.

– И могилы красивее выглядят. – Кан поморщился. – Я думал, отец успеет прислать весть об отмене наступления.

– Что ж... Зато у нас есть траншеи. И всё благодаря тебе.

Кан отвесил Дэлуну подзатыльник так быстро, что тот даже не успел увернуться.

– Благодаря тебе! Забудь, что было тем вечером. Вспомнишь – я точно тебя прокляну.

– Ты же не умеешь!

– Уверен?

– Да. – Дэлун рассмеялся. – Мог бы – уже превратил бы нас в трёх лягушек. Ладно тебе, Кан, всё будет хорошо. Может, и не будет сегодня...

В этот момент лагерь вздрогнул от гула рога, созывающего всех к берегу.

– Оставь надежду, Чжан. Пойдём. – Кан направился к своему шатру за оружием. – Да пребудет с нами Небо.

* * *

Несмотря на то что ни Кан, ни его отец не считали решения генерала Вана рациональными, он был далеко не дураком. Вся история с нападением на Канрё появилась не просто из прихоти одного из членов императорской семьи – гораздо важнее эта военная кампания была лично для клана Ван. Последние военные походы Империи отгремели семь лет назад, принеся

сокрушительную победу и новые земли для Императора, но не благодаря военным кланам. Как ни противно было признавать Вану, но успех принёс шэнми со своими проклятыми демонами и змеиной хитростью.

Теперь Император смотрел на военные кланы как на пушечное мясо, ведь он обладал чудовищным оружием в лице проклятого, который ещё имел наглость вмешиваться в политику во дворце, и с каждым годом клан Ван всё больше терял влияние из-за этого шэнми. Именно поэтому генерал разработал план, который позволил бы вернуть милость императорской семье и поставить Циня на место. В то время пока сам генерал думал об этом, его двоюродный брат месяцами убеждал племянника Императора, как нужно Канрё императорской семье. И когда тот окончательно загорелся желанием получить новые земли, Ван с благодарностью принял на себя обязательство принести Империи победу. К тому же как нельзя кстати щенок шэнми оказывался в его подчинении.

Когда войско выступило из столицы к реке Хунха, Ван послал весть к гарнизону у озера Бакбо. Два десятка торговых и пять военных кораблей ждали сигнала, чтобы спуститься по реке к лагерю. Когда же должен был настать день атаки, Ван не собирался бросать людей в воду под стрелы – он хотел создать величайший рукотворный мост для целой армии, чтобы его войско смогло перейти на другой берег по кораблям, выстроившимся в ряд от одного берега к другому. Это должна была быть победа, которую занесут в летописи как историю о военной тактике, к которой не были готовы ни Канрё, ни Империя. А щенок... Цинь очень расстроится, когда тот получит стрелу в шею, брошенный на передовую. Видит Небо, шэнми слишком привязан к своим детям.

План был прекрасным, и даже новость о возможном огне с той стороны не останавливала Вана. Во-первых, подтверждений этой опасности почти не было, а во-вторых, он не зря стягивал речной флот к Хунха и был уверен в том, что реку они форсируют. А дальше... Канрё никогда не славилось своими войсками. Всё, что у них было, – смекалка и дипломатия, но выкупить себе свободу они уже не смогут. Тем не менее Ван прислушался к Дэлуну и приказал рыть траншеи, а ещё – выяснить, почему это Чжаны стали такими умными и внимательными. Когда же ему донесли о том, что южные детишки проводят дни в компании сынка шэнми, Ван сначала не поверил. За мальчишкой он следил и не без удовольствия получал рапорты о том, что тот не более чем белая ворона, которую случайно подрезать будет сплошным удовольствием и логичным концом для всех. Подумав об этом, Ван приказал разделить эту компанию по разным флангам кавалерии, оставив в поле зрения Кана самого младшего, и отправить на передовую всех четырёх. Щенки растут, и его племяннику не нужен сын шэнми с друзьями из семейства Чжан. Если же они погибнут все, то выразить соболезнования отцу и оставшимся братьям в связи с тем, что их дети погибли из-за глупости Циня, будет очень просто. Одной проблемой меньше. И Ван как никто другой ждал, когда гул рога огласит берег. Это будет прекрасная победа...

* * *

– Почему нас разделили, не знаешь? – Вэй гладил лошадь, нервно сжимая гуань дао и оглядывая собравшееся войско.

– Догадываюсь, но надеюсь, что ошибаюсь. – Кан поморщился, рассматривая реку. – Вот чего вы ко мне привязались? Создадите себе проблемы.

– Да мы уже по уши в проблемах. Ты... Слушай, ты готов?

– А ты?

– Не уверен...

– Вот и не задавай глупых вопросов. – Кан помедлил, но, глядя на Чжана вздохнул: – Вэй, я не умею успокаивать. Мы выиграем. Держись рядом, хорошо?

- Куда я из строя денусь?
- Именно. Не хочу твой труп предъявлять братьям.
- А ты всё-таки волнуешься!
- За свою шкуру, не раскатывай губу. Мне проблем с твоим семейством не надо.
- Небо! Кан, ты хороший парень, мы это сразу поняли. И, ну... Слушай, это нечестно.
- Что именно? – Кан приподнял бровь.
- То, что ты один. Ты умный, спокойный, никому не ставишь подножек.
- Может, я просто веду себя смирно, чтобы не получить по шее от генерала?
- Опять заладил. Давай поспорим?
- Снова в рабство захотел?
- Ну уж нет.
- Тогда назови свою ставку.
- Кто целее останется – тот принимает другого в гости на весь месяц.
- Да ты и дня в моём доме не протянешь.
- Посмотрим!
- Дурак... Ладно. – Кан ударил по рукам с Взем. – Спорим. На юге, наверное, красиво.
- Ещё как. Слушай, они же не помрут там...
- Тебе домой надо с такими истериками. Смотри! Корабли!

Туман был непроницаем, словно они приблизились к границе между мирами, но через мгновение Вэй тоже увидел нос военного баркаса, пришвартовывающегося к их берегу. А вслед за ним ещё одного, и ещё...

- Почему они так близко?
- Становятся друг к другу... – Кан удивлённо следил за рекой, а затем хлопнул себя по лбу: – Мост! Ван придумал проклятый мост!
- Звучит как... хороший план?
- Отличный. Если бы не...

Кан никогда не видел ничего подобного. Природа замерла: птицы покинули берег реки Хунха, не было видно кругов рыб на воде, – и в кромешной тишине вдруг раздалась гулкая хлопки. А вслед за ними в небо взвились десятки огненных шаров и искрящимися змеями полетели в сторону их берега. Это мгновение Кан запомнит навсегда: стена из огня в небе, скалящаяся, злая, что собралась обрушиться прямо на них, не оставив никакого шанса на спасение. И это чувство было знакомо ему очень давно.

Они не сбегут.

Он не сбежит.

Чудовище за его спиной.

И перед ним.

Это ловушка.

Люди вокруг остолбенели, и Кану было сложно их упрекнуть в этом: когда ты смотришь в глаза смерти, соблазн замереть невероятно велик. Это же очень легко – остаться один на один со своим страхом и дать ему сожрать тебя. Но Кан точно знал, что хочет жить, и это было самым важным, даже под залпом огненных орудий.

– Вэй, в сторону!

Он наверняка расскажет своим детям, как размышлял обо всём этом, но правда заключалась в том, что выводы о страхе он допридумает после, анализируя и вспоминая. В этот же момент было лишь алое небо, мгновение осознания и рывок с коня. Он никогда ещё не действовал так быстро и уверенно – он буквально дёрнул Вэя за рукав на себя и рухнул в траншею. Они вжались в углубление, и в следующее мгновение земля над ними дрогнула и взмыла в небо от удара огненного снаряда. Свет померк, Вэй закашлялся, наглотавшись пыли, а Кан

сорвал с пояса флягу, дрожащими руками вылив на платки воду, чтобы повязать один себе, а второй прижать ко рту Вэя.

- Где братья?!
- На западном фланге.
- Идём!
- А приказы?
- Ты слышишь приказы?! Пошли, бестолочь!
- Но как...
- Дай мне минуту.

Кан осмотрелся, считая про себя. Ещё один залп накрыл их землёй, разорвавшись ближе к траншее. Один, два, три... Через тридцать секунд новый удар пробил траншею перед ними, отбросив Кана и Вэя к другой стене.

– Давай, вставай, вставай! – Кан тянул Вэя за руку. Канрё целится в их фланг, значит, им нужно на западный – там братья и, скорее всего, генерал. – Бегом!

Мир сошёл с ума. Земля дрожала и поднималась в воздух от каждого нового удара, Кана и Вэя бросало из стороны в сторону, пока перебежками они пробирались к западному флангу. Кан, не видевший до этого ничего страшнее приспешников Бая, отсутствующим взглядом провожал разорванные и полусгоревшие трупы, только ускоряя шаг и не думая о том, что переступает чужие останки. Генерал – идиот, они даже не успели...

– Дэлун! – Вэй бросился к брату, лежавшему на краю огненной воронки. Старший из Чжанов полз вперёд, но не мог выбраться, обугленный, весь в крови, с обрубками ног, оставляющими за собой алый след. Цинь замер, не в силах отвести глаз от обломков костей, торчавших из-под лохмотьев штанов, кусков мяса и чёрной кожи.

– Сейчас... Сейчас. Я остановлю кровь... – бормотал Вэй, стягивая пояс. – Кан, да помоги ты!

«Считай. До скольких? Пока не остановлю. Хорошо. Раз...»

– Пять... Вэй, надо уходить. – Кан смотрел на пляски теней в отблесках огней воронки. – Будет залп.

- Так помоги мне!
- Кха... Кан... – Дэлун перевернулся на спину, пытаясь оттолкнуть Вэя. – Уводи его...

Уводи.

- Цинь, дай пояс!
- У... во... ди...

Пятнадцать...

Кан вдруг рванул вперёд, схватил за шиворот Вэя и потащил его мёртвой хваткой из воронки. Вэй вцепился в брата рукой, но получил удар ботинком по пальцам, а затем Кан просто перебросил его в соседнюю траншею.

- Отпусти!
- Бегом!

Перерывы между залпами были примерно тридцать секунд. Двадцать, двадцать пять...

Ударная волна отбросила их вперёд. Кан чудом не потерял равновесие и успел отпрыгнуть подальше, увлекая за собой Вэя и проваливаясь в темноту.

Ему снова шесть лет. Он дома, в подвале, и не разглядеть кошмар это или явь. Чудовище смоляными каплями оплетает его, свисая с потолка и пожирая последние остатки света.

«Ты не убежишь», – говорит Чудовище.

«Встань и смотри», – вторят ему оживающие Тени.

«Встань и смотри, кто на самом деле твой отец». – Темнота оборачивается генералом Ваном, хватая мальчишку за волосы и бьёт лицом об пол, заставляя очнуться под нескончаемый звон в ушах.

6. Бора

Морской бриз...

Тао шлёпал босыми ногами по воде, ловя ветер руками. Мальчик закрыл глаза и слушал стихию. Воздух плясал под его пальцами, море делало вдох и на выдохе подталкивало Тао к берегу. Два шрама на спине ноющей болью напоминали о себе, но он привык. Асуры отобрали у него небо и родителей, но не могли забрать бриз, которым он повелевал. Раньше он любил следить за тем, как ночной ветер приносит спокойный сон людям. Тао отпугивал детей рыбаков барашками от моря и подгонял лодки к рыбному месту. Люди ему нравились, но после произошедшего он потерял всякий интерес к смертным, часами пропадая у воды и играя с ветром лишь для своего удовольствия. В потоках ветра он сбегал от реальности, а бриз под его пальцами становился всё сильнее и злее изо дня в день.

За этим занятием его и застал Юнсан. Он кашлянул, и Тао распахнул глаза, тут же заулыбавшись.

– Вы вернулись!

– Здравствуй. – Юнсан улыбнулся и поманил Тао поближе. – Прости, что так долго, но нам нужно кое-что сделать. Давай пройдемся.

– А куда?

– На тот утёс.

Юнсан указал на север бухты и протянул Тао оставленные сандалии.

– Вас давно не было... Всё хорошо?

– В Небесном городе не бывает плохо.

Он взял Тао под руку, и они двинулись в путь.

– Я не могу туда подняться...

– Ещё как можешь! Но я обсуждал с остальными твой совет.

– Какой... мой?

– О том, чтобы отрезать крылья асурам. Может, ты и прав, Тао, – улыбнулся Юнсан. – Война слишком затянулась, и у меня есть план, как всё остановить. Но это будет не скоро.

– А Цен и Заан ответят за..?

– Бездна за всё ответит. Осторожно, камни!

– Я не маленький!

– Конечно нет... – Юнсан поймал закачавшегося на валуне Тао. То, что мальчик потерял родителей, было жуткой трагедией, но пустой дом ожил с появлением маленького дэва. Юнсан был так же мягок с детьми, как строг со взрослыми, и этот мальчик, не успевший ещё ничего испортить и испортиться сам, ему очень нравился. Только нужно было исправить одну вещь.

Они поднялись на каменистый утёс, и Тао сел на край, болтая ногами и рассматривая небо. Рукава белого ханьфу трепал ветер. Он был холодным, поднимался из низины на утёс и по молчаливой воле Юнсана тянулся к мальчишке, становясь всё сильнее и сильнее, нависая над ним невидимой лавиной... И в одно мгновение Юнсан вдохнул чуть больше сил, чем было дано Тао от рождения, точно молнии пробежали под кожей.

Голова Тао закружилась. С ураганной силой ветер обрушился на утёс, перелетая его, и, подхватив упавшего Тао, вместе с ним понёсся вниз. Когда до земли оставалось всего несколько метров, Тао вдруг услышал шелест за спиной. Этот звук был таким естественным и знакомым, что он даже не заметил, как распахнул прозрачные крылья, замедляя падение и планируя вместе с холодным ветром, что теперь слушался его легче морского бриза, ласкаясь под пальцами, точно пёс. Приземлившись на песок, Тао запрокинул голову, вдыхая полной грудью, ловя эти резкие ледяные потоки, неумолимо напоминавшие ему о железном отце и уверенной матери. По щекам предательски катились слёзы.

– Ты будешь сильнее, чем они, Тао. – Юнсан уже стоял рядом, следя за ним. – Мы всё исправим. И я дам тебе возможность помочь. Не надо убегать от прошлого...

– Я... – Тао неверяще пошевелил прозрачным крылом и коснулся его пальцами. Настоящее. – Спасибо.

* * *

Спустя пару дней Тао отпросился у Юнсана слетать к дозорной башне.

Мальчишке, обретшему крылья, резко расхотелось сидеть на месте. Он мог днями метаться меж деревьев, взмывая всё выше и падая обратно подбитой птицей, в последний момент расправляя крылья над землёй... Только эти призрачные перья неизбежно напоминали о том, что настоящих Тао лишился навсегда. Ему нужно было занять себя делом – и Юнсан не держал его, лишь запретил отходить от дозорной башни одному. Сил в Тао было больше, чем раньше, поэтому рассчитывать скорость у него получалось прескверно – вот он и влетел в смотровую вышку, едва успев остановить себя крыльями.

Почувствовав удар ветра в спину, дозорный чудом смог отскочить в сторону.

– С ума сошёл?!

– Добрался!

– Я тебе сейчас «доберусь»! Ты что здесь делаешь?

– Я по поручению Юнсана!

– Ах, самого Юнсана... И зачем же он послал тебя?

– Чтобы... чтобы... чтобы проверить работу дозорной башни!

Дозорный долго и внимательно смотрел на Тао, снял шлем и почесал затылок – кого-то этот светловолосый ему напоминал; особенно своим требовательным, хоть и детским тоном.

– Проверить, значит... Слушай, да ты же тот мальчишка, который...

– Тао. У меня имя есть!

– Конечно-конечно... – Вспомнив историю о смерти генерала и его жены и сыне, которого забрал к себе сам Юнсан, дозорный тяжело вздохнул. У него была такая спокойная смена... – Что же мы будем с тобой проверять, посланец лун-вана?

– Всё! – Казалось, от чувства важности момента пшеничные волосы мальчишки распушились, точно у птицы. – Имя! Должность! Доложить обстановку!

Дозорный чуть не упал с вышки, сдерживаясь, чтобы не засмеяться. Для полноты картины Тао не хватало только топнуть ногой. Оглянувшись в сторону чужих земель и не заметив ничего необычного, он снова повернулся к мальчишке и положил руку ему на макушку.

– Хоу, чжунвэй, докладываю: в районе патрулирования обнаружено подозрительное движение, некто пытается пробраться на охраняемую вышку, подозреваю нападение с воздуха. Жду вашего приказа.

– Откуда у асур возду... Да ты издеваешься!

Тао стоял, красный от возмущения, в то время как Хоу не выдержал и захохотал, сгибаясь от смеха пополам, – это было слишком весело.

– Слушай, то, что тебя отпустили летать, не означает, что ты от имени лун-вана можешь кого-то проверять. Скучно дома?

– Не скучно. А вот тебе, я смотрю, очень!

– Уже нет. Ладно, успокойся. – Вытирая слёзы, Хоу подтолкнул Тао к перилам. – Хочешь тут быть – работай. Следи за восточной частью долины, а я буду за западной. Пойдёт?

– Пойдёт.

Тао что-то тихо бурчал себе под нос про слишком весёлых чжунвэев, но честно уставился на восток, преисполненный решимости найти врага и показать этому Хоу, кто здесь настоящий дозорный.

Но служба оказалась не такой интересной, как представлял себе маленький дэв. Ко второму часу непрерывного наблюдения он практически лёг на перила, мрачно смотря вдаль и помахивая нетерпеливо крыльями. Ничего не происходило. Хоу выглядел удивительно спокойным и только раскуривал трубку, выдыхая колечки дыма в ожидании, когда его гость утомится и покинет пост.

Но Тао не собирался сдаваться. Ещё через полчаса он вдруг вскочил и дёрнул дозорного за рукав:

– Смотри! Смотри!

Зелёная долина, за которой они следили, на востоке упиралась в горную гряду и ущелье, из которого с радостным рёвом вырвалось несколько асур. Тао так и замер, вцепившись в Хоу, пытаясь найти среди них рыжего Цена или огромного Заана, но эти асуры точно были для него незнакомцами.

– Сделай что-нибудь!

– Я пошлю птицу в дозорную башню на севере. Всё, – мрачно заявил Хоу, следя за пришлецами. Асуры, смеясь, свернули в сторону от дозорной башни, оборачиваясь из получеловеческого облика во что-то дикое и совершенно Тао противное. Удлинялись когти, а лица превращались в морды с острыми клыками и бешеными глазами. Тень ломала их, высекая костяные хребты на загривках, вытягивая лапы и прорасцывая лишние ряды белых зубов на морде. Воздух разрезал самодовольный вой, сообщая всему Цияну, что охота прошла успешно.

– Что они там делали?

– Обедали, полагаю. Наша задача – наблю... Куда ты?!

Тао поймал ветер, усиливая его взмахом руки, и рванул с дозорной башни, ускоряясь и летя в сторону ущелья. Стая асур, заметив его, замерла на секунду, а затем двинулась дальше от дозорной башни, с подозрительностью перелаявшись. Хоу ничего не оставалось, как с руганью отправить птицу и соскользнуть вниз по лестнице – летать он не умел. Махнув рукой только подоспевшему на смену второму дозорному, Хоу ударил ботинком о землю, которая тут же откликнулась и приподнялась под ним. Каменный пласт заскользил в сторону ущелья, набирая скорость так, что и лошади не было нужно. Завязывая на ходу волосы в хвост и заставляя землю расступаться под своей каменной доской, Хоу обречённо думал о том, что Юнсан его убьёт, если с этим мальчишкой что-то случится.

А у него была такая спокойная смена...

* * *

Стоило Тао влететь в ущелье, как свет померк. Приземлившись на влажную землю, он огляделся, пытаясь выискать следы нашествия асур. Царила мёртвая тишина. Шелестел ручей, убегая обратно в солнечную долину, деревья закрывали небо, и Тао потребовалось несколько минут, чтобы найти следы и пойти по ним дальше, углубляясь в полумрак. Чем дальше он шёл, тем больше накатывало на него чувство тоски. Что-то тяжёлое, едкое осело в тенях и цеплялось за мысли. Почему-то вспомнился отец, но не таким, как он знал его. Светлый и сильный образ дэва, который всегда был готов защитить, искажался в памяти осками мелких ошибок.

Вот Тао отчитали ни за что. Вот к нему были слишком, на его взгляд, строги. Вот его отправили стоять во дворе в качестве наказания, хотя он был ни при чём. Мгновение – и он задыхается от возмущения, но молчит. Молчит и мать. Или ещё хуже – соглашается и поддерживает отца.

Они уехали. Он остался один. Они умерли. Он остался один. Они виноваты в том, что у него больше нет дома.

Или он виноват? Может, дело не в них, а в нём? Может, это он был плохим сыном? Может, он расстроил их перед тем боем? Ведь расстроил же? Лежал и ныл в своей комнате без каких-то крыльев, как девочка. Не разговаривал, не отвечал, почти не ел.

Точно. Они умерли из-за него. И зачем тогда такой сын? Зачем лун-вану такой дэв? Он и Юнсана хочет подставить? Сделать слабым? В этом Тао видит смысл своей жизни? А если не в этом, то в чём? Он ни на что не годен. Просто проблема для всех. И он знает выход – тени знают – простой и красивый...

Тао замотал головой, дёрнул крылом и ускорил шаг. Бред. Надо найти, что же такого здесь делали асуры, остальное потом. Он должен понять. Тогда и полезным станет – когда узнает врага.

И только когда за спиной угрожающе зарокотала магия Хоу, Тао услышал всхлипы. Снова сорвавшись с места, он упорхнул от дозорного, оставляя того хватать рукой воздух и ругаться.

– Да погоди ты!

Тао было всё равно. В мгновение ока он подлетел к дереву, в кроне которого, точно маленькая птица, сидела девочка лет семи. Она захлёбывалась слезами, зажав себе ладошками рот и глядя в пустоту. Косички растрёпаны, простенькое крестьянское платье разодрано в нескольких местах; но она была цела. Заметив Тао, девочка чуть не упала от испуга и перебралась с одной ветки на другую...

Тао знал этот взгляд. Это чувство.

– Эй! Эй, послушай, я – не они. Всё хорошо. Давай я тебя спущу отсюда?

В ответ от него ускользнули ещё на одну ветку выше. Тао заморгал.

– Я... Ну... Я Тао. Давай поговорим. Что здесь произошло?

– Сумасшедшая мелочь! – Хоу стоял внизу, скрестив руки на груди, а вокруг него, набирая скорость, кружили в воздухе комья отменной речной глины. Секунда – и один, состоявший по большей части из грязи и воды, метко прилетел прямо в лоб Тао. – А ну спускайся! – Ещё один комок, на этот раз в плечо. – Я тебя в глиняное пугало превращу, если ты не вернёшься! Считаю до трёх. Раз!

– Тут человек!

– Два!

– Отстань!

– Тр...

Договорить Хоу не успел. Холодный ветер, что секунду назад свободно гулял по ущелью, вдруг ожил, собравшись в единый поток, и резким ударом отбросил Хоу от дерева, а разозлившийся Тао сделал глубокий вдох, снова поворачиваясь к девочке. Та перестала всхлипывать, но смотрела на него теперь с ещё большим ужасом. Хоу же кувырком отлетел по земле, но почему-то не поднялся. Он смотрел на другие деревья и не мог поверить своим глазам. Тихий стон загулял между ветвей – это воздух выходил из открывшихся ртов.

– Бездна меня побери...

На деревьях, раскачиваясь от резкого ветра, висели люди. Десятки людей в стоптанной обуви и пыльной одежде. Похоже, это был торговый караван, но что он делал здесь? Рядом не было ни повозок, ни лошадей. Стервятники ещё не успели найти висельников, запах смерти не разлетелся по ущелью. Платья у людей были сдёрнуты по пояс, и на трупной коже каждого виднелись иероглифы.

Тао замер от ужаса.

– Они... они сами... – вдруг подала голос девочка, замотав головой. – Сами царапали...

Кровь засохла на окоченевших пальцах, кусочки кожи и мяса можно было рассмотреть под ногтями.

– Сами... сами... Другие смотрели. Сами пришли, – как заговорённая, повторяла девочка.

– Откуда? – Тао оглянулся и чуть не забыл, как махать крыльями, когда принялся рассматривать всё это.

– Сами. Сами. Сами, – заладила девочка, обнимая дерево и, наконец, разрыдавшись.

– «Еда...» – Хоу переводил взгляд с одного иероглифа на другой, – «Должна»... «Знать»... «Место»... «Скольких»... «Смогли»... «Спаси»... «Пташки»?

Дальше по кругу.

– Да как это...

– Таково лицо асур... Сними девочку. – Хоу взял себя в руки и стал отряхиваться с видом, будто он каждый день встречал висельников.

– Пташки, – зацепилась за слова девочка. – Пташки не спасут. Глупые пташки. Верить в них глупо. Верить вообще глупо. Глупо жить. Умно закончить. Вот так...

Тонкие пальцы потянулись к поясу, но Тао схватил девочку и, стянув с ветки, опустил её на землю.

– Голову потеряла!

– Верно заметил.

Хоу подхватил девочку на руки. Малышка сначала вскрикнула, забрыкавшись, но стоило Хоу положить ей руку на лоб и зашептать что-то, как она обмякла, а затем и вовсе перестала плакать. Правда, Тао всё равно видел это отчаянное безумие во взгляде.

– Тихо-тихо. Они сошли с ума, Тао. Сами забрались, нацарапали послание, и... ты видишь.

– Это выродки Бездны?

– Да. Асуры питаются, когда разрушают человеческие души. Называют это «изменениями». Вот они их и... преобразили. Кто-то кусает по чуть-чуть, а кому-то довести человека до самоубийства мало – тут уж на что выдумка сработает. Надо возвращаться, здесь живых больше нет. Я сообщу об этом лун-вану, их поймают.

Тао смотрел на трупы. Смотрел внимательно, стиснув зубы, а затем рыкнул и вскочил. Та тоска, что вцепилась в него, стоило ему оказаться в ущелье, вспыхнула и сгорела, порождая тяжёлый и опасный гнев. И хотя в его мыслях бился отчаянный вопрос, как могли эти псины так поступать с людьми, Тао врал себе. Он говорил про себя много красивых слов, длинных, благородных и абсолютно пустых: о долге, о подлости, о том, что надо всё исправить. Так бы сказал его отец. Но люди были ему безразличны так же, как и тогда, на берегу моря. Наглость и безнаказанность – вот что задело его, вспороло зажившие шрамы на спине. Тао видел не трупы, а себя в лапах рыжего чудовища Цена.

Тени ущелья молчали, наблюдая, как сменяется его боль на гнев, как толкает вперёд. И как холодный ветер, бросивший Хоу до этого на землю, взвыл, обрушиваясь на ущелье с новой силой и подхватывая Тао. Дозорному с девочкой на руках оставалось только застонать, потому что через мгновение Тао и след простыл. С каких пор этот маленький дэв стал таким быстрым?!

– И что мне теперь делать?.. – Хоу снова ударил ногой по земле, решив сначала отнести девочку к дозорной башне. Только труп ребёнка на дереве ему ещё не хватало. Потом разберётся, почему она выжила.

– Сам. Сам сгорит, – всхлипывая, выдала малышка.

– Да чтоб вас всех! А ну, иди сюда!

Девочка была права, бросать мальчишку тоже нельзя. Голова кругом. Хоу закинул девочку за спину, выудил из сумки верёвку и привязал к себе покрепче.

– Держись. Я вам дам «сгорит». А ты только попробуй на себя руки наложить!

– Пташки глупые, – грустно ответила девочка, обнимая Хоу за шею. – Всегда летят на север.

7. Демоны шэнми

Амань торопился. Сколько летела птица? Сколько ему потребуется, чтобы добраться от Лояна до границы? Если Кан прав, то он может успеть уже к пепелищу, устроенному генералом Ваном... Аманю стоило разобраться с этим военным выскочкой гораздо раньше. Прокручивая в голове всю кампанию в Канрё, шэнми с лёгкостью размотал клубок событий, повлёкших к тому, где оказался его бедный, больной разумом сын. Аманю нужна была ночь, одна быстрая ночь, чтобы бросить лошадь и добраться своими силами. Где-то на пыльной дороге из столицы, вдали от деревень и случайных торговцев, он спешил и достал несколько печатей, начертанных на бумаге. Иероглифы не имели никакого отношения к их языку, но с юности что-то в них казалось Аманю таким тоскливо-знакомым... Печати поднялись в воздух, замерли на секунду, а затем пламя охватило их. Вместе со сгоревшими амулетами исчез и шэнми, скользя через тени в сторону границы.

* * *

Кану казалось, что кто-то расколол ему голову надвое – оглушительная боль заполнила сознание. В ушах звенело. Он не слышал, что кричал ему Вэй, и даже не понимал, пытается тот придушить его или оттащить подальше. На ватных ногах Кан отползал вперёд по траншее, потому что знал: надо куда-то идти... Но куда? Мысли спутались, и Кан не до конца понимал, где он и почему. Пальцы вдруг упёрлись во что-то липкое, грязное. Опустив взгляд, он увидел обезображенный огнём труп с распахнутым ртом и выжженным лицом... Кан резко отшатнулся, возвращаясь в реальность, и в этот же момент Вэй зло дёрнул его на себя. Ему что-то кричали, но каждое слово смазывалось в бесконечный звон.

– Не слышу...

– Голова! Ты об камень стукнулся!

– А?

– Пошли, давай, слева ещё траншея!

Кан бы не удивился, если бы Вэй бросил его так же, как сам он заставил Вэя бросить брата. А ещё он знал, что нужно считать, но совершенно не помнил, зачем, но счёт был чем-то очень важен. Кан попытался сказать это Вэю, но говорить оказалось ещё сложнее, чем слышать, а его уже тащили вперёд. Ботинки увязали в грязи, небо над их головами разрывалось огненными снарядами, и среди этой братской могилы вспыхивали осколками в памяти последние дни. Это не походило на войну, о которой им рассказывали.

Теперь Вэй упрямо тащил его вперёд. Кан не знал, что младший Чжан, не получивший такого удара, как он, твёрдо решил спасти его как минимум, чтобы убить самолично. Западный фланг был всё ближе. Оставалось каких-то несколько рывков, и они найдут и брата – живого брата, – он поможет. И генерала тоже найдут, и будет план (Ван же наверняка придумал, что делать)... Но в какой-то момент, несмотря на всё пережитое, они застыли в оцепенении. Липкий и холодный, страх поднялся от теней и оплёл мальчишек, заставляя их прирасти к земле и запрокинуть головы. Чувство самосохранения кричало Кану, что нужно бежать, прятаться, жить, но он не мог – его словно парализовало, и, забыв про Вэя, он одними губами прошептал:

– Чудовище.

Вэй не мог с ним поспорить. Они чувствовали себя загнанной дичью, угодившей в силки, из которых не выпутаться. Всё, что им оставалось, – это смотреть. По небу с неумолимой скоростью приближался огненный шар, невыносимо яркий, искрящийся, жаром выбивающий из

глаз слёзы. Так вот каковы они вблизи, огненные кристаллы Чанкина... Ещё мгновение – и они отправятся вслед за Дэлуном.

Может, в следующей жизни небо будет к ним благосклоннее?

* * *

Берег реки Хунха горел. Огненные снаряды, обрушившиеся с неба, гасли не сразу: огонь перебрасывался на всё, до чего мог дотянуться. Восточный фланг, ставший первой мишенью наводчиков, был уничтожен, флот почти полностью потоплен, лошади разбежались, а солдаты пытались спастись и перегруппироваться в сторону от обстрела. Несколько траншей отрезало огнём, и неизбежно начиналась давка в оставшихся укрытиях. Это был провал.

Амань выскользнул из теней на одном из холмов вблизи берега и замер, оглядывая хаос, что творился внизу. Успел и опоздал. В серых глазах всего на секунду отразились отчаяние и страх: среди сожжённого муравейника он пытался найти знакомую макушку, пока не зацепился за две фигуры, которые буквально в последнее мгновение успели отпрыгнуть от очередного удара.

– Идиот.

Паника испарилась, Амань достал из кармана три потрёпанных бумажных амулета, испещрённых в несколько слоёв искажёнными символами. Что-то неуловимо менялось в воздухе вокруг него, а сила Тени вскипала в жилах, и перед глазами мутнело до безумия.

– Жили-были трое братьев... – Печати взлетели в воздух, закружившись вокруг Аманя, набирая скорость с каждым словом. – Впрочем, нет, не жили. Они умерли ещё в утробе и родились, не издав ни единого вздоха. И обратило их Небо в демонов. Бедные, бедные дети великого Императора, они никогда не знали своего отца...

Тени рядом с Аманем дрогнули, оживая. Невидимая волна дыхания иного мира, который люди называли Бездной, далёкого и нематериального, чернильной мглой поднялась из земли и заплескала под руками шэнми. Амулеты в воздухе охватило пламя, но не могло их сжечь, лишь письма разгорались, изнутри накаляясь от каждого нового слова, взывавшего к ним. Нет, Амань не был безумен, он прекрасно понимал, что делает.

– И обернулись они в чудовищ, неся людям пагубу, смерть и страх. Бедный отец, он так никогда и не обнял своих детей...

Туман, точно живой, клубился под его ногами, и из сполохов медленно вырастали три фигуры. Они росли на глазах, обретая смутные человеческие очертания. Обнажались острые клыки, загорались жёлтым глаза, трескалась чёрная кожа, под которой, казалось, текла лава. Выше и выше, три фигуры уже достигали верхушек деревьев, но не делали ни шага, словно скованные цепями. И прежде чем этот мир оглушил их рёв, Амань холодно приказал:

– Идите. Всё живое на том берегу – ваша добыча.

Тени, сгустившиеся на холме, лавиной рухнули вниз.

* * *

За пару мгновений до того, как мальчишки должны были неминуемо умереть, что-то поменялось. Время если не остановилось, то точно замедлило свой бег – или Кану так только казалось? Он был парализован точно так же, как и Вэй, как и все у этой проклятой реки. Но если Вэй пытался побороть оцепенение и бежать, то Кан, которому это чувство было до боли знакомо, смотрел на огненное небо, словно на спасение. Что-то ему кричало, что лучше смерть, чем то, что уже кружило вокруг них, оживало и прорывалось в этот мир. И когда огонь уже был так близко к ним, невидимая сила схватила их и отбросила в сторону, будто мешки с рисом.

Точно так же, как отец тащил его маленького в свой кабинет по воздуху, когда он пытался снять со стены гуань дао.

Небо и земля несколько раз поменялись местами, пока Амань не схватил его за шиворот, оглушённого и беспомощного, как щенка.

– Папа?

Нет, это был не отец. Это не мог быть отец. Просто морок Чудовища. Кан утонул в кошмарах детства: ему мерещилась та тьма, что пыталась забрать его, она была везде, он погряз в ней руками и ногами. Тень облизывала трупы, растекаясь по земле вслед за шэнми со светлыми волосами. Звон в ушах стихал, но за ним пришёл рёв, который не мог принадлежать ни одному живому существу. Мимо Кана прошло нечто настолько огромное и ненастоящее, что он был уверен: это ещё один морок. Монстр буквально горел на солнце, кожа шипела и слезала с него, и вой походил на болезненный стон. Демона будто бы тянуло вперёд, несмотря на то что каждый шаг приближал его к гибели.

– Кан! Что происходит? Кан?!

Вэй. Вэй был жив, и стоило Кану скользнуть взглядом по парящим вокруг отца печатям, как он рефлекторно отвёл взгляд и торопливо закрыл Чжану глаза ладонью.

– Не смотри. Рехнёшься.

– Кто?.. Почему?..

Как ему тяжело давалось даже это. Страх и отвращение, заполонившие все его мысли, тянули Кана к земле, требовали сдаться и ждать своей участи, но он зацепился за этого глупого, ещё живого Вэя, пытаясь навязать самому себе мысли, что он должен вытащить его из кошмара, накрывшего берег. Просто потому, что Вэй ни при чём. Это его Чудовище, его война, его морок. Вэй не знает, понятия не имеет, как с этим жить.

– Закрой глаза. Закрой, кому говорю! И пойдём.

Отец смотрел прямо на них. Впервые в жизни его взгляд казался злым и пугающим, будто опустошённым. Увлекая за собой Вэя, Кан быстро отполз в сторону. Его голова кружилась, ноги не держали, но... Они шли к западному флангу. Они должны дойти до штаба – это цель, всё остальное не важно. В Бездну морок, тени, Чудовище! Если бы он задумался чуть больше о том, что происходит, хоть на секунду, то силы окончательно покинули бы его.

То, что творилось вокруг них, было... чужим. Оживший кошмар, далёкий от всего человеческого. Кан торопился, насколько вообще мог, наталкиваясь на солдат, которые, окружённые тeneвым туманом, царапали собственные глаза, и на других, замерших, без сил пошевеливаться. Но что-то поменялось.

Кан вдруг понял, что обстрел закончился.

* * *

Сын никогда так на него не смотрел. Забавно, что все эти годы в пустой голове Кана не мелькали мысли об отвращении и страхе. Не то чтобы Аманя вообще трогало то, как относятся к проклятым, – это было неизбежно; но дети, даже Сюин, носились за ним, стоило Аманю переступить порог. Конечно, он соблюдал осторожность и не находился дома дольше срока, который считал безопасным для них, – может, дело в этом? Или в ритуале, придуманном для детей, чтобы обмануть... Неважно. Но ни Кан, ни Сюин его никогда не боялись, – он знал это, как и то, что никаких мер предосторожности не хватит, чтобы сдержать влияние Тени в этом проклятом Канрё. Была бы воля самого Аманя, Кан ни разу в жизни не столкнулся бы с дыханием Бездны и не знал бы, на что способен его отец. Небо, ну почему ему не хватило терпения воспитать сына так, чтобы отправить в безопасную страну послом? Но нет: Кан, спасённый в последний момент, пятился от него с выражением ужаса и брезгливости, точно таким же, как у тысяч людей до него. Амань не сказал ни слова, про себя отметив, что сына не ранило

настолько, чтобы он не смог добраться до штаба. Безголовый, но сообразительный, а со страхом как-нибудь справится: Амань не зря сделал всё, чтобы у них был шанс выжить. Он развернулся, двигаясь вперёд, маня за собой одного из демонов, который прошагал мимо мальчишек и направился в сторону реки, следуя за остальными. Небо позволило его детям избежать проклятия, и он не собирался отдавать их ни Бездне, ни Императору, ни Канрё.

«Жил-был проклятый отец, который украл силу у Тени...»

Дневной свет губителен для любого порождения Бездны, но Аманю было всё равно. Он холодно следил за тремя чудовищами, прекрасно зная, как долго они могут гореть заживо. И его пленники чувствовали, что чем раньше они выполнят его приказ, тем лучше для всех: Цинь Амань и к людям-то не испытывал жалости, а к этим существам и подавно. Весь придворный лоск слетел с него, рот скривился в жестокой улыбке. Хоть он и прибыл сюда из-за сына, эта битва принесёт ему удовольствие.

«...Но, забрав силу, он впустил её в свою душу...»

На что вообще рассчитывали в Канрё? Это казалось недалёковидным. Даже уничтожив войско генерала Вана, они бы лишь втянули себя в длительный конфликт. Но у царства не было защиты. Открытый союз с Чанкином? Соседи этого не потерпели бы. Впрочем, вполне вероятно, что царь Канрё проповедует его же методы, среди которых – «Умирая, забери с собой всех». Это Амань мог понять, но не мог допустить. А раз его величество захотел красивых похорон...

«...И смеялась Тень, ибо знала, что проклятый умрёт...»

Два демона преодолевали реку, словно это был ручеёк, – Аманю не нужен был ни флот, ни время. Облака затянули небо, смягчая губительное солнце; очередной огненный залп летел прямо на чудовищ, вызывая у шэнми лишь ухмылку. По его молчаливой воле оба замерли, и... Первые удары попали прямо в демонов, не заставив их даже пошатнуться. Вместо этого чудовища перехватили снаряды тлеющими на солнце лапами и швырнули в ряд метательных машин на берегу Канрё, точно дети, нашедшие себе забаву. Амань улыбался: он всегда гордился точностью своего контроля. Третьего демона он придерживал чуть в стороне скорее по привычке, зная: нужно быть готовым к внезапной атаке... Но что эти люди могут сделать?

«...А когда придёт смерть, Тень заберёт его и всё, что ему дорого...»

С каждой секундой волна теней тянулась дальше, перетекая с берега Империи вслед за демонами. Оцепенение, охватившее сначала солдат Хань, шло за Аманем. Первые снаряды, выпущенные со стороны Империи, уничтожили несколько камней на берегу, и пожар вспыхнул уже по ту сторону, забирая с собой наводчиков. А вместе с огнём пришёл и страх, расстилаясь под ногами обороняющихся. Амань подошёл к воде, жестом направляя третьего демона вслед за братьями. Грязная игра? Они первыми начали.

«...Потому что Тень умеет ждать...»

Очередной огненный залп лишь замедлил демонов, но ни один не остановился. Аманю хотелось хохотать. Безумие, клубящееся под ногами, затягивало его всё дальше, во мглу и тени. Не лишая расчётливости, оно словно толкало вперёд: «Забери больше, используй ярче, сожги, обрати людей в пепел, чужих, своих, самого себя. Тот, кто берёт, отдаст ещё больше. Возьми всё».

«...Но проклятый был умным вором...»

Это было слишком просто. Амань привык, что у противника есть чем ответить. Будь то Острова с их культом солнца, о которых он вспоминал с содроганием, огненный Чанкин или демоны охоты под рукой верховного жреца Линьцана. Амань знал, что не всемогущ. Но ведь именно поэтому люди сжигают таких, как он, истребляя любого, кому «посчастливилось» родиться проклятым, – слишком чудовищной была сила, которую шэнми мог обернуть против обычного человека. И всё-таки они выжили, хоть и единицы. Если правитель был

умён, он знал цену придворному шэнми. Как жаль, что Канрё не повезло. Где же Небо, которое должно их оберегать?

«...И спрятал он от Тени то, что ему дорого, спрятал в печать, преступить которую та была не в силах...»

Обстрел остановился: опережая демонов, до берега Канрё добралась волна Тени. Безотчётный страх обращался в ужас, ледяной и парализующий. Амань холодно следил, как фигуры на противоположном берегу замирали одна за другой, и всё, что оставалось простым людям, – это смотреть, как медленно приближаются порождения Бездны. Солнце уже слизало с них кожу, прожгло морды до костей, но они продолжали идти, подчиняясь приказу хозяина. И когда они достигли берега, Амань слегка склонил голову набок. Подумав, он изменил приказ, оскалившись и потеряв на секунду человеческий облик.

– Не убивайте сразу. Рвите на части.

«...И смеялся проклятый, потому что обманул Тень. И даже смерть свою он у неё отнял, взяв так много, что сжёг свою душу дотла. Красивая вышла бы сказка».

Они собирались испепелить его сына, как соломенную детскую игрушку. Амань любовался огнём, не поглотившим разве что саму реку, а затем развернулся, пропадая в тенях, направляясь в сторону штаба. Ему было плевать на генерала и притязания императорской семьи на это, в сущности, безобидное государство, труп на политической арене. Но пленных он не оставит, ни одного. А теперь нужно поговорить с Ваном. Он, этот великий полководец, ведь жив ещё и не помер от ужаса? К тому же стоит найти сына: если он не в госпитале, то Амань дотащит его туда лично со всей отцовской любовью так, чтобы она чувствовалась в каждом камне на земле. Цинь постарался стряхнуть с себя шёпот Тени и появился в штабном шатре уже с той безмятежной улыбкой, с которой встречал генерала Вана в коридорах дворца.

Он ещё расскажет *Сказку тени* своим внукам. Им понравится.

8. Госпиталь

Обстрел действительно прекратился, а волна сковывающего ужаса двигалась дальше, покидая берег Империи. Кан тяжело дышал, чувствуя, что с каждой минутой ему становится легче. Крики вокруг стихли. Кана передёрнуло, когда тень под ногами оторвалась от своего законного места и уползла в сторону реки полупрозрачной змеей, оскалившись ему на прощание. Мираж. Это ничего, это пройдёт. Но Кан уже не мог сказать, что вокруг было настоящим, а что – плодом его воображения. Хотя его товарищам, кажется, пришлось гораздо хуже. Многие из тех, кто не пострадал от огня, изувечили себя сами – неизбежная расплата за то, что произошло. Кан выглянул из траншеи, да так и замер, смотря на три гигантских фигуры, что направлялись в сторону Канрё. Это было... так чудовищно и страшно. Рядом поднялся Вэй, потрёпанный, бледный, но целый, насколько это вообще было возможно. Мальчишки с ужасом наблюдали за пожаром на чужом берегу.

– Цинь! – Его вдруг дёрнули сзади и развернули к себе. Над Каном, спрыгнув в траншею, нависал генерал Ван. – Что ты натворил?!

– Что? – Пожалуй, больше всего на свете Кан не ожидал услышать обвинения, и уж тем более – увидеть полководца здесь. Но Ван потянул его за ворот, и только сейчас Кан осознал, что у генерала перевязано лицо, а окровавленная тряпка скрывает правый глаз.

– Это ты написал своему папаше! Ты привёл его сюда! Ты знал про атаку!

– Но это Дэлу... – подал голос Вэй, и его тут же оттолкнули в сторону.

– Замолкни, Чжан. А ты смотри! Смотри, кому говорю! Твоих рук дело! – Ван развернул Кана лицом к западному флангу. – Нравится?! Нравится, что принёс твой отродье-папаша?!

Не объятый огнём западный фланг выглядел так, словно там только что закончилось настоящее сражение. Везде лежали люди, солдаты перевязывали друг друга, но для многих было слишком поздно. Ван вцепился в Кана мёртвой хваткой, переводя безумный взгляд с реки на солдат и обратно.

– Что такое огонь, когда придёт один проклятый и уничтожит своих собственных солдат? Это из-за его колдовства люди стали пытаться сами себя убить. Клянусь Небом, щенок, я дотащу тебя и твоего отца до Императора и добьюсь того, чтобы всю твою гнилую семью сожгли. Смотри, кому сказал! Вот что несут за собой шэнми. И выжил же сам! Привык, змеёныш, жить среди его чар. А знаешь что? С тебя и начнём!

«Он с ума сошёл», – подумал Кан. Весь этот мир окончательно обезумел, но прямо сейчас генерал не просто не походил на себя, – даже ему, пятнадцатилетнему мальчишке, было очевидно, что Ван растерял всякий рассудок. И он не знал, что делать. Генерал оттолкнул его от себя, схватил за волосы и ткнул лицом в землю, как потрёпанного щенка. Ударом ботинка Ван придавил его к земле и достал меч.

«Встань и смотри, кто на самом деле твой отец», – шептала тень Вана, и Кан практически слышал её хохот.

– Именем Императора, Цинь Кан, я приговариваю тебя к смерти.

– Что?! – Кан увидел, как Вэй бросился вперёд, чтобы помочь другу, но Ван оттолкнул его в сторону. Перечить генералу невозможно.

Это безумие.

Он просто бредит.

– За то, что по твоей вине явился этот демон, ты обвиняешься в смерти солдат, чжунвэй Цинь. Да простит тебя Небо.

Генерал Ван собирался замахнуть для удара, но вдруг что-то липкое и гадкое оплело его запястье, а за спиной раздался насмешливый кашель.

– Кто бы мог подумать, Ван, что вас так тронет слабая тень Бездны.

Невидимая сила держала руку, не давая завершить замах, а Цинь Амань вышел из-за спины Вана, словно всегда там стоял. Дотлевающие печати кружили вокруг шэнми, осыпая землю искрами. Амань разочарованно покачал головой.

– Вы совершаете чудовищную ошибку. Его Величество лично послал меня к Хунха. Не запятнайте доброе имя своей семьи обвинениями в неверности слов его величества Императора, благословлённого Небом. Вы же не предатель?

Он сгноит всю семью Вана в тюрьме и лично проследит, как вздёрнут этого выскочку, но потом, в столице. Кто бы мог подумать: меньше часа, и уже не Канрё, а этот позор рода человеческого собирается снести его сыну голову.

Север. Мальчишку надо отправить на Север, Император прав, у него здоровья не хватит разгонять всех воинствующих идиотов. Какой же ошибкой было наивно считать, что он сможет спокойно смотреть на это! Расслабился. Старееет. Амань устало потёр переносицу, а тени мягко оттолкнули Вана, теряющего рассудок от столь близкого прикосновения к колдовству. Может, всё-таки сделать ему поблажку, как простому смертному? Их разум так легко плавился под давлением Бездны. Часть тени Аманя отделилась и скользнула по одежде Вана, точно полоз, исчезая под повязкой на глазу.

Шэнми перевёл взгляд на застывшего Вэя.

– Чжан, верно? Сопроводи генерала в госпиталь. Ему нужен отдых. Император приказал мне выиграть эту войну. – Амань покосился на титанические фигуры на том берегу, которые давили людей, словно муравьёв. – Так что, пока господин Ван приходит в себя, я заменю его.

– Б... будет исполнено.

Мальчишка был напуган, но стоял на ногах. Амань лениво проследил, как Вэй подхватил генерала, ставшего вдруг таким покорным, и спешно отправился в сторону шатров госпиталя. Они как раз располагались за штабом.

Амань ещё несколько секунд смотрел им вслед, – теперь Ван не придёт в себя часов шесть так точно, – а после склонился к сыну и с удивлением обнаружил, что тот лежит зажмурившись.

– Вставай, не заставляй поднимать тебя.

Молчание. Амань выругался и заставил тени поднять сына в воздух, но изменился в лице, когда понял, что тот не зажмурился, а провалился в обморок. На землю тяжёлыми каплями падала кровь. Быстро проверив пульс, Амань схватил сына за ворот, поднял в воздух новые печати и растворился с ним в тенях, проклиная тот день, когда этот глупый щенок стащил его гуань дао.

На другом берегу, почти догорев заживо, но выполнив приказ, три демона исчезли, будто их никогда и не было.

* * *

– Эй! Кан! Вставай!

Кто-то тормошил Кана за плечо, но он не хотел открывать глаза. Пустота, в которую он провалился, когда добрался до штаба, была спокойной и милосердной. Несколько мгновений он остро чувствовал, что не хочет возвращаться к реальности, где чудовища могут тебя затоптать, с неба летит огонь, а твой генерал готов тебя убить. Мысли ещё не сплетались в единую картину, однако Цинь Кан точно знал: сейчас гораздо лучше, чем будет потом. Но кто-то безжалостно тряс его за плечо, продолжая звать по имени. С трудом разомкнув веки, он обнаружил взъерошенного Цзяна, который навис над ним.

– Доброе утро...

– Да уже вечер. Ты живой?

– Нет. А ты?

– Не смешно. Я в порядке. Лекарь сказал, тебя надо разбудить, так что я...

– Лекарь?

– Так... – Цзян подтащил к его койке какой-то мешок и сел на него, внимательно глядя на Кана. – Ты помнишь, что произошло?

– Цзян, ради Неба! – Кан хотел продолжить, но реальность неизбежно нагоняла его, возвращая память шаг за шагом. – Погоди... Где Вэй?

– Он цел, просто... В общем, он занят.

– А атака?

– Да какая атака... Твой отец хуже любого войска. Мы уже в Канрё, Кан.

– Ты говоришь какой-то бред. Отец здесь?

– Да ты вообще ничего не помнишь.

– Всё я помню: и огонь, и Дэлуна, и...

– А демонов, которых твой отец призвал?

– Его не было на берегу.

– Был.

– Нет.

Мальчишки замолчали, Цзян внимательно смотрел, как меняется взгляд Кана. Он не знал, что сказать, но догадывался: даже сын шэнми не готов был признать, что тот холод, страх, отвращение, волна чужеродной тени, демоны и смерть – всё это было дело рук его отца. Успокаивать Кана он тоже не пытался. Цзян видел всё, что происходило на западном фланге, как и потерявшего рассудок генерала. И Вэя, с пустым взглядом рассказавшего о смерти их брата, и Аманя, на которого невозможно смотреть и перечить которому бесполезно.

Прошло уже два дня после событий на берегах Хунха, и Цзян постоянно навещал Кана, пока тот был в обмороке. Он не знал, зачем это делал, – он не сблизился с сыном шэнми так, как Вэй или Дэлун. Но он следил с замиранием сердца и не знал, хочет ли увидеть, как очнётся Кан, или надеется, что тот не придёт в себя. Цзяна не покидали мысли о том, что это было до боли несправедливо. Их отец не мог влететь на поле боя и спасти Дэлуна, но Кан избежал смерти за тот день дважды, и оба раза благодаря Аманю. Почему он остался в этом мире, а их брат – умер? Цзян понимал, что это не зависело от Кана, но его преследовало гадкое желание задушить сына шэнми, пока тот находился без сознания. Он отгонял эти мысли, напоминая себе: даже Вэй признал, что без помощи колдовства Цзян лишился бы и его, но...

– Твой отец был там. И тебе нужно поговорить с ним. – Цзян хлопнул Кана по плечу. – Встать можешь?

– Конечно.

Кан кое-как сел, но чуть не рухнул обратно. Взгляд у него помутился, а затем он завыл от приступа боли. Кан поднёс руку к лицу, удивлённо глядя на бинты. Коснулся головы и перевёл взгляд на Цзяна.

– Что ещё лекарь сказал?

– Жить будешь. Ожоги, пара царапин, но ты серьёзно ударился головой. Сказал, если очнёшься сегодня, то всё будет в порядке.

– А отец?

– В штабе, с генералом. Кажется, они смогли договориться, хотя Ван сам не свой. Ты не торопись. Принести тебе поесть?

– Воды. – Кан промолчал, оглядывая шатёр, а затем добавил: – Цзян, мне... жаль. Дэлуна было не вытащить, Вэй...

– Тебе не о чем жалеть. – Цзян поморщился. – Ты ни в чём не виноват. Но оставь это для своей семьи, ладно?

– Хорошо.

Растерянность на лице Кана исчезла, скрываясь за привычной маской безразличия. Ну конечно. И почему Вэй занят, тоже догадывался. А он расслабился. Поверил в возможность дружбы.

– Спасибо, что разбудил.

Цзяна невольно передёрнуло, потому что на мгновение в серых глазах Кана отразилась фамильное пренебрежение ко всему миру.

Цзян принёс ему флягу с водой, ещё раз хлопнул Кана по плечу, пробормотал что-то про выздоровление и ушёл, поглощённый своими мыслями; да и не так много у него было свободного времени. А Кану только и оставалось, что сидеть на походной койке, делая глоток за глотком, и рассматривать полевой госпиталь. Как много раненых. Лекарей действительно не хватало, на земле валялись грязные бинты, а воздух был наполнен едким запахом лекарств. Рядом с ним лежало несколько обугленных тел, а чуть дальше – стонущий солдат с повязкой на лице. Кан совсем не хотел думать о том, что это влияние его отца лишило кого-то глаз. Когда-то он и сам ослепил друга Бая, но он и не замечал, насколько в тот момент был похож на Аманя. Та детская разборка казалась ему справедливой, а это...

Ему не привиделось.

Холодный страх ехидно царапнул где-то внутри, но Кан отмахнулся.

Что он может с этим сделать? Чудовище из подвала живёт не только в подвале, он это знал. Но то, что оно ходит ручной псиной за его отцом (или отец за чудовищем), – это было открытием. Ему правда стоило поговорить с отцом. Посидев ещё полчаса, Кан кое-как поднялся и медленным шагом направился к лекарю, который, осмотрев его, бесцеремонно приказал не занимать место в шатре. «Встать можешь – иди в строй, голова у тебя не отваливается, будешь жить».

* * *

– Значит, царь Канрё отказывается сдаваться?

В штабном шатре генерал Ван недовольно перевёл взгляд с Цинь Аманя на карту. Он старался не вспоминать то, что произошло два дня назад.

– Предсказуемо. Иногда власть ослепляет настолько, что человек готов умереть ради неё. Небо отвернулось от этих земель. – Амань выглядел удивительно спокойным, но все его мысли были сосредоточены на госпитале. Бездна побери, он способен превратить аванпост в пепел, но не в состоянии вылечить собственного сына! Каждый раз, когда он приходил проведать Кана, тень в его ногах, кажется, смеялась над бессилием самоуверенного смертного. И с каким удовольствием он вернулся бы сейчас с сыном в Лоян, но он был связан обещанием закончить эту кампанию. И он старался. Даже слишком. Однако вести из Канрё лишь раздражали Аманя – царство отказывалось капитулировать и упрямо цеплялось за свободу.

– Придётся идти на штурм. – Ван поправил повязку. – Надеюсь, без демонов, шэнми.

– Всё зависит от вас, господин генерал. – Амань подобрал с карты резную фигурку, обозначающую столицу Канрё. – Император приказал мне выиграть, чьими силами – неважно.

– Четверть войска, господин Цинь. Ваше появление забрало четверть войска.

– Другая четверть сгорела. Какое счастье, что у нас осталась ещё половина личного состава, не правда ли?

Ван скрипнул зубами и хотел было что-то добавить, но в шатёр вошёл солдат и поклонился.

– Господин Цинь, из госпиталя передали, что ваш сын пришёл в себя.

– Спасибо. – Амань сжал фигурку и слегка склонил голову набок. – Что ж, через два дня мы будем готовы к штурму, генерал. Вы же изучили бумаги, которые предоставил Чжан?

– Безусловно.

– Тогда не мне вам объяснять, что запасов кристаллов Чанкина недостаточно на всю страну. Учитывая записи торговцев, Канрё остаётся только защищать столицу. Возьмём её, и истории конец.

– Надеетесь поскорее вернуться в Лоян?

– Такова воля Императора. – Амань безразлично пожал плечами. – Чтобы не усугублять ваши потери, предлагаю зайти с двух флангов. Неважно, на кого отвлечётся стража – на солдат или на... мои силы. Закончим за день, кто-то пробьёт оборону.

– Согласен.

– Видите, мы прекрасно умеем находить общий язык. – Амань подбросил резную фигурку, и она вспыхнула чёрным пламенем, сгорая в воздухе. – Подумайте о позиционировании, я скоро вернусь.

– Рад, что ваш сын в строю.

– Как и я – тому, что вы не совершили измену, генерал. Империя потеряла бы прекрасного полководца.

* * *

Кан стоял у шатра, бледный и самоуверенный, как обычно. Больше всего на свете Аманю хотелось взять его за шиворот и повесить на воротах родового поместья на пару дней, чтобы тот хорошенько подумал о своём поведении, но вместо этого он только холодно оглядел сына. Хвала Небу, в доспехи ещё не вырядился и на коня не вскочил.

– Ну что, и как тебе воюется?

– Отец...

Амань вздохнул и обнял Кана, на секунду вцепившись так, что тому стало больно. Как он ни пытался заставить себя казаться спокойным, руки не разжимались. От силы его хватки мальчик закашлялся.

– Кх-х... задушишь.

– Бездна тебя знает, может, я в последний раз тебя вижу. Пятнадцатилетний идиот. – Амань отпустил сына и нахмурился. – Что сказал лекарь?

– Жить буду. Отец, Хунха...

– Не то, что я хотел тебе показывать.

– Но это был ты.

– Я. Теперь ты сам увидел, за что на самом деле не любят нашу семью. Возможно, придётся повторить при осаде, так что как-нибудь смирись со своей памятью и не смотри на меня побитым щенком.

– Подожди, – Кан покачал головой. – Все эти... тени... демоны. И то, что в подвале. Что ты сделал тогда?

– Тогда?

– Когда я был маленьким.

Отец замер, удивлённо взглянув на сына. Помнит? Он-то надеялся, что Кан и Сюин забудут ритуал или посчитают его дурным сном. Память резко выбросила на волю воспоминания о безжизненном детском теле, из которого он самолично вынул душу, а затем...

– Защитил. От всего, что ты видел на берегу. Тебя это не коснётся, как и всё, чем я занимаюсь. – Амань помедлил и поправил повязку с лекарством на голове Кана. – Если кто-то и убьёт тебя, то только я – и то за твою беспросветную глупость. Иди уже, переоденься, если не собираешься в таком виде завоёвывать свою первую столицу.

– Я уже завоевателем стал?

– Малолетним. Не переживай, это твоя первая и последняя столица. Император предложил прекрасное место службы.

– Я не хочу в гарни...

– О, не переживай, тебе понравится. И никакой спокойной охраны с высоким довольствием и карьерным ростом – всё как ты любишь. Ты хорошо помнишь карты границ Линьцана?

Он всё исправит. Амань не спал эти два дня и теперь надеялся, что сможет умереть на пару часов, а потом он разберётся – с сыном, с Ваном и с Канрё. Впервые в жизни мысли о Севере и верховном жреце Линьцана успокаивали его – там будет как минимум безопасно.

9. Дэмин

Лоян, столица Империи Хань, состоял не только из Запретного города и кварталов, в которых жили знать и ремесленники. Между внутренними и внешними стенами столицы расположился район бедняков, грязное и тёмное место, где крошечные лачуги жались друг к другу глиняными боками, а точное число их обитателей было известно лишь Небу. Здесь правила нужда: за крышу над головой приходилось драться, не хватало ни тепла, ни еды, ни даже света. Цена человеческой жизни могла равняться чаше риса, да и то, если повезёт. Цинь Кан совершенно не знал, каково это – спать на улице, воровать, чтобы не умереть с голоду, и не иметь за спиной ни дома, ни имени, ни последнего *цюаня*³.

Зато знал Цинь Дэмин.

Никто не мог сказать, сколько лет этому мальчику и где его нагуляла безумная мать. Дэмин рос, как дикий зверёныш, в том клоповнике, что по местным меркам всё ещё можно было считать домом. С самого детства он слушал бесконечные истории о придворном шэнми, который, по заверению матери, был его отцом, но выдумывала мать почти так же много, как и пила: не проходило и дня, чтобы она не сжимала чарку с дешёвым пойлом трясущимися руками. Чем старше Дэмин становился, тем больше сомневался в каждом сказанном слове, но никогда не спорил: мать была выше и сильнее, а значит, она и права.

Но рассказывала она самозабвенно: про далёкие острова, где правит великий царь и почитают культ Шэньхуо, про то, как Цинь Амань прибыл туда и увёз её, а потом... Потом, если мальчик был слишком легкомыслен и успевал скрыться, матушка переходила к побоям, повторяя, что он – демоново отродье, которому место на костре. Как Дэмин выжил, не знал даже он сам, но прятаться и молчать, чтобы не привлекать к себе внимание, он научился раньше, чем ходить. И всё же его наследство состояло из фамилии, которая не стоила в этом месте ничего.

В тот день, когда войско возвращалось в столицу, Дэмин и знать не хотел, даровало ли Небо победу над Канрё или нет. Его жизнь была далека от проблем государства, их перебивала стойкая нужда найти себе еду любыми способами. Тяжёлая работа в подпольных мастерских чередовалась с попытками хоть что-то украсть. За каждую чашу риса нужно было платить, а за возможность заработать – делиться. Дэмин не верил никому и почти не говорил: не потому, что не умел, а потому, что взвешивал каждое слово. И если Кан, который понятия не имел о его существовании, рос и становился сильнее, то Дэмин, хоть и был ненамного младше, но выглядел как ребёнок, – без солнца и мяса он мог если не умереть, то точно не вырасти.

А ещё у Дэмина был секрет, о котором он никогда не собирался рассказывать...

* * *

Впрочем, было бы ложью утверждать, что Кан ни о чём не знал. Несколько лет назад, когда они с сестрой играли в прятки, одна сумасшедшая добралась до чёрного хода в их поместье и начала кричать. Она звала Аманя, сотрясая воздух такими отборными ругательствами, что дети не смогли пройти мимо и спрятались за углом кухни, запоминая каждое слово. А запоминать было что: она кричала, будто их отец породил и бросил своего сына, бросил слова на ветер, бросил, в конце концов, и её. «Чудовище, монстр, ты оставил меня наедине с этим проклятым ублюдком! Видит Небо, культ Шэньхуо должен был сжечь тебя на Островах, ты околдовал меня, демон! А потом убил, убил их всех, ты всегда убиваешь с улыбкой на звери-

---

³ *Цюань* – досл. «кольцо», валюта Ханьской империи, представляет собой золотую, серебряную или медную монету с квадратным отверстием посередине.

ной морде!» – кричала умалишённая, а дети забрались на ограду, чтобы увидеть, кто же это такой интересный на улице.

– Ей язык вырвут, – тихо шепнула Сюин, протянув Кану руку, чтобы тот поднял её на черепицу.

– Всенепременно. А у нас разве есть брат?

«Жалкий трус, выйди и признай свои преступления!»

– Не удивлюсь. Отца часто не бывает дома.

– Он маме из-ме-ня-ет?

«Расскажи своей жёнушке, что ты творишь, когда тебя нет дома! Императору расскажи!»

– Ой, дурачок. Маму выдали за папу, потому что она сама проклятая. Думаешь, это по любви?

– Ну, это же не повод... – Кан провёл сестру к краю крыши так, чтобы они могли видеть сумасшедшую.

«Бездна должна была сожрать тебя, выродок!»

– Меня тоже отдадут за кого-то, кого отец выберет. – Сюин толкнула брата в плечо кулачком. – И если я встречу красивого мальчишку, то, конечно...

– Сюин!

– А что? Как будто тебя спрашивать будут. Это наш долг.

«Забери своего щенка туда же, откуда ты сам выполз!»

– Ну не с этой же. Ты посмотри, это глина в волосах?

– Мне кажется, её стошнило на ханьфу...

– Фу!

«Жизнь мне испортил, всю судьбу сломал, посмотри, во что я превратилась!»

Домашняя стража, которая до этого послала за городскими патрульными и молча отталкивала женщину, вдруг расступилась, а к ней, худой и взъерошенной, вышел сам Цинь Амань. Дети замерли в предвкушении. Но отец только смерил нищенку презрительным взглядом, поморщился и повернул голову к одному из стражников.

– Ты. Да, бестолочь, к тебе обращаюсь. В моём доме служат шуты или солдаты? За какие заслуги вы получаете жалование, если не можете разобраться с этим убожеством без моей помощи? – спросил он ледяным вкрадчивым тоном, а стражник с трудом выдержал его взгляд. – Отзовите патруль. Чернь невменяема. И бросьте меди – пусть помнит, что знать милосердна. Останется – прогнать.

Кан и Сюин расстроено переглянулись. Это всё? Они-то надеялись, что увидят душещипательную сцену или хотя бы то, как стража отнимет у неё язык. Но отец ушёл, а женщину действительно просто оттолкнули подальше от поместья, не забыв выполнить распоряжение господина и швырнуть на дорогу пару медных цюаней.

– А вдруг у нас и правда есть брат? – Сюин задумчиво смотрела в ту сторону, куда выгнали женщину. – Пошли!

– Куда? – Кан даже растерялся.

– Проследим за ней! Надо проверить. Догоняй!

– Сюин!

Ну и что ему оставалось? Только прыгнуть вслед за сестрой.

Но как ни старалась Сюин догнать странную женщину, та словно в тених растворилась. А когда они добрались до внутренних стен, то оказалось, что их так просто не перепрыгнуть, как дома, а стражники вовсе не собирались нести ответственность за то, что пропустили двух знатных отпрысков дальше, в кварталы бедняков. И никакие угрозы самоуверенной Сюин их не впечатлили, так что от этой идеи стоило отказаться. По крайней мере, в этом убеждал сестру Кан, но фамильное упрямство не позволяло ей так легко сдаться.

Они предприняли вторую попытку на следующий день, на этот раз хорошо подготовившись. Кан даже захватил с собой крюк с верёвкой, чтобы перебраться через забор там, где никто не увидит, а Сюин – еды, если им придётся задержаться. Это было опасное и захватывающее приключение. Именно тогда они признали, что взрослые не так глупы, как им казалось: стражники поймали их по ту сторону стены не позже, чем через десять минут, и привели к отцу – с подобающим почтением, но железной хваткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.